Экономические и гуманитарные исследования регионов

5/2026

Economical and humanitarical researches of the regions

5/2026

www.cegr.ru

Регистрационный номер ПИ ФС 77-39740
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
номер в каталоге Пресса России 37137
ISSN 2079-1968
научно-теоретический журнал

№5 2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Несмеянов Е.Е. – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почётный работник Министерства образования Российской Федерации, заведующий кафедрой философии и мировых религий (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Говердовская Е.В. – заместитель главного редактора, доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по непрерывному образованию (Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации», г. Пятигорск);

Абидова З.К. – доктор философии, заведующий кафедрой «Общественные науки», (Урченчский филиал Ташкентской медицинской академии, г. Ургенч);

Акаев В.Х. – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный);

Алисултанова Э.Д. – доктор педагогических наук, профессор, директор Института прикладных информационных технологий, (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова», г. Грозный);

Арябкина И.В. – доктор педагогических наук, профессор, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», г. Ульяновск);

Базаева Ф.У. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный);

Верещагина А.В. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Волчанский М.Е. – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации», г. Волгоград);

Гончаров В.Н. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Гуманитарного института (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь);

Деларю В.В. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации», г. Волгоград);

Доника А.Д. – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой безопасности жизнедеятельности (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации», г. Волгоград);

Касьянов В.В. – доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, декан факультета журналистики, заведующий кафедрой истории России (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», г. Краснодар);

Кичева И.В. – доктор педагогических наук, профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск);

Мусханова И.В. – доктор педагогических наук, профессор, директор института филологии, истории и права; профессор кафедры педагогики (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный);

Розин М.Д. – доктор философских наук, профессор, директор Северо-Кавказского научного центра высшей школы (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Ромаева Н.Б. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и педагогических технологий Педагогического института (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь);

Сущий С.Я. – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований (Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону);

Финько М.В. – доктор философских наук, профессор, директор конгрессно-выставочного центра (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону);

Щербакова Л.И. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Социология и психология» (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Российский государственный политехнический университет М.И. Платова», г. Новочеркасск).

Бондаренко А.В. – кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по учебной и научной работе кафедры «Философия» (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа) – секретарь;

Дохоян А.М. – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной, специальной педагогики и психологии, (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет», г. Армавир) – ответственный секретарь.

© «Экономические и гуманитарные исследования регионов»

www.cegr.ru

Registration number PI FS 77- 39740
Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
catalog number 37137 Russian Press
ISSN 2079-1968
Scientific theory journal

№5 2026

EDITOR-IN-CHIEF

Nesmeyanov E.E. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of Russia, Honored Worker of the Ministry of Education of the Russian Federation, Head of the Department of philosophy and world religions (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Don State Technical University», Rostov-on-Don)

EDITORIAL BOARD

Goverdovskaya E.V. – deputy Chief Editor, Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Deputy Director of postgraduate and additional education (Pyatigorsk Medical-Pharmaceutical Institute – branch of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education»The Volgograd State Medical University» of the Ministry for Public Health of the Russian Federation, Pyatigorsk);

Abidova Z.K. – Doctor of Philosophy, Head of the Department of «Social Sciences», (Urchench branch of the Tashkent Medical Academy, Urgench);

Akayev V.H. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher (Federal Ibragimov State Institution of Science Integrated Research of Russian Academy of Sciences, Grozny);

Alisultanova E.D. – Doctor of Pedagogical Sciences, Director of the Institute of Applied Information Technologies, (Federal State Educational Institution of Higher Education «Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov», Grozny);

Aryabkina I. V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ulyanovsk State Pedagogical University named after IN N. Ulyanov», Ulyanovsk);

Bazaeva F.U. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chechen State Pedagogical University», Grozny);

Vereshchagina A.V. – Doctor of Social Sciences, Professor, Professor of theoretical sociology and methodology of regional researches of the Institute of sociology and regional studies (The Institute of Sociology and Regional Studies of Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don);

Volchansky M.E. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Psychology (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Volgograd State Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Volgograd);

Goncharov V.N. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate professor, associate Professor in the Department of philosophy, humanitarian Institute (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «North Caucasian Federal University», Stavropol);

Delarue V.V. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department

of General Psychology (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Volgograd State Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Volgograd);

Donika A.D. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Life Safety (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Volgograd State Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Volgograd);

Kasyanov V.V. – Doctor of Social Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Journalism, Head of the Department of Russian History (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Kuban State University», Krasnodar);

Kicheva I.V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Literature and Pedagogical Technologies of Philological Education (Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University», Pyatigorsk)

Muskhanova I.V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Director of the Institute of Philology, History and Law; Professor of the Department of Pedagogy (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chechen State Pedagogical University», Grozny);

Rosin M.D. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director of North-Caucasian scientific centre of higher school (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don);

Romaeva N.B. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of chair of pedagogics and pedagogical technologies Pedagogical Institute (Federal state Autonomous Educational Institution of Higher Education «North-Caucasus Federal University», Stavropol, Russia);

Soushiy S.Y. – Doctor of Social Sciences, Associate Professor, chief researcher, Institute of socio-economic and Humanities research (Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don);

Finko M.V. – Doctor of Philosophical Sciences, director of the congress and exhibition center (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Don State Technical University», Rostov-on-Don);

Shcherbakova L. I. – Doctor of Social Sciences, Professor, head of the Department of sociology and psychology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Platov South-Russian State Technical University», Novocherkassk).

Bondarenko A. V. – Candidate of Philosophical Sciences, Deputy Head of the Department for Academic and Scientific Work of the Department «Philosophy» (Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa) – the secretary;

Dohoyan A.M. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social, Special Pedagogy and Psychology, (Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Armavir State Pedagogical University», Armavir) – the secretary.

© «Economical and humanitarical researches of the regions»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕДАГОГИКА

ВЕРГУН Т.В., КОЛОМЫЦЕВА К.С., НЕХАЕВА О.А.
Непрерывное образование в контексте формирования этнокультурной компетентности: педагогический аспект исследования 8
ГАРАФУТДИНОВА Н.А., ГОЛЬТЯПИНА И.Ю.
Практические и правовые проблемы организации стажировок студентов 12
ЛАНИНА С.Ю.
Дидактический потенциал математических квестов и веб-квестов в развитии познавательного интереса школьников 16
САВЕЛЬЕВА И.В., ЛАНИНА С.Ю.
Методика контекстного обучения математике как средство профессионализации студентов технических специальностей СПО 20
СИРАЗЕТДИНОВ М.Р.
Конфликты в воинских коллективах войск Национальной гвардии РФ, теоретический анализ подготовки к ним будущих офицеров 24
ЧУПРИНА А.А.
Совместное чтение родителей и детей как фактор обогащения эмоционально-чувственного опыта ребенка 28

СОЦИОЛОГИЯ

АРГУНОВА В.Н., НУРУТДИНОВА А.Н., ЕГОРЫЧЕВА М.А.
Нужны ли России малые города? 34
КРУТЕЛЁВ Н.Д.
Новые формы занятости как фактор социальной стратификации российского общества: цифровой разрыв и прекаризация 38
ЛУШНИКОВ Д.А., ДОЛГОПОЛОВ К.А.
AI-агенты как новый фактор социализации молодежи: угрозы и риски 42
НУРУТДИНОВА А.Н., АРГУНОВА В.Н.
Роль образовательных учреждений в возрождении малых городов России 46

ФИЛОСОФИЯ

ХВОСТОВА С.Г.
Социально-философский анализ проблемы риска как основополагающего компонента информационной эпохи 55
КОРЧАК К.И., УДАЛЬЦОВ О.Ю.
Коллективная память как социокультурный механизм формирования идентичности в современном обществе 59

МНЕНИЯ, ФАКТЫ

ЕРМИЛОВА А. Н., ГОРБУНОВА А. В., КАЛИНИН А. Г.
Удовлетворённость населения качеством медицинских услуг и восприятие системы ОМС 63
КОРЕШЕВА С.Г., ГАРАФУТДИНОВА Н.А., СОЛОВЬЕВ А.А.
Патриотическое воспитание молодежи через музыку военных лет 70

ПЕДАГОГИКА

УДК 37

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вергун Т.В., Коломыцева К.С., Нехаева О.А.

CONTINUING EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF ETHNOCULTURAL COMPETENCE: PEDAGOGICAL ASPECT OF RESEARCH

Vergun T.V., Kolomytseva K.S., Nekhaeva O.A.

Аннотация. В статье рассматривается процесс непрерывного образования, выполняющего воспитательную функцию, поскольку в ходе его осуществления формируется особая интеллектуальная культура необходимая, как для осмысления процессов, происходящих в многонациональном социуме, так и в образовательной системе в целом. По мнению авторов, исходя из этого, непрерывное образование обеспечивает формирование первичной этнокультурной компетентности, дальнейшее развитие которой происходит в процессе профессиональной деятельности.

Abstract. The article examines the process of continuing education, which performs an educational function, since in the course of its implementation a special intellectual culture is formed, necessary both for understanding the processes taking place in a multinational society and in the educational system as a whole. According to the authors, based on this, continuous education ensures the formation of primary ethnocultural competence, the further development of which occurs in the process of professional activity.

Ключевые слова: личность, культура, общество, обучение, воспитание, знания, мышление.

Keywords: personality, culture, society, learning, nurturing, knowledge, thinking.

Воспитательная функция непрерывного образования приобретает в современной социокультурной ситуации особую актуальность. Это обусловлено многими обстоятельствами, но, прежде всего тем, что в современном мире – образование выступает решающим фактором общественного прогресса, оно нацелено на всестороннее развитие личности, совершенствование человека и будущего специалиста, потенциал которого определяется не только профессиональными способностями и знаниями, но и общей культурой.

Воспитание благодаря своей нормативно-регулирующей функции способствует достижению социокультурного согласия, так как признание индивидом общезначимых социальных норм приводит к социокультурной целостности нации. Воспитательная работа в современной образовательной системе включает в себя три взаимосвязанных компонента: воспитание в процессе обучения, внеучебную деятельность и стиль-тон отношений, морально-психологический климат в коллективе. При этом воспитание должно рассматриваться как основа для самовоспитания через создаваемую систему отношений, включающую определенные знания, навыки, правила и нормы поведения и ценности различных этносов. В этих условиях образование обладает поистине уникальным воспитательным потенциалом воздействия на процесс формирования этнокультурной компетентности.

При этом следует учитывать, что личностный потенциал обучаемого проходит три основных этапа развития: этап абстрактных возможностей, характеризуемый достаточно широким и неопределенным спектром возможных личностных изменений и приобретений студента, определяемых, прежде всего его возрастными и социально-психологическими особенностями, а также уровнем индивидуально-личностного развития; этап реальной возможности, заключающийся в актуализации необходимых факторов и условий развития и изменения личности – потребностей, мотивов общего и профессионально-личностного саморазвития и самосовершенствования, готовности и способности к самовоспитанию, а также в создании благоприятной развивающей воспитательной среды, в проектировании эффективной системы реализации воспитательного потенциала учебных дисциплин; этап перехода возможности в действительность, заключающийся в функционировании особой педагогической системы продуктивного диалогического общения и совместной деятельности преподавателя и студентов по практической реализации потенциала развития студентов в процессе профессиональной подготовки.

Следует отметить, что формирование этнокультурной компетентности педагога на этапе непрерывного образования обеспечивает триединство: обучение, исследование и воспитание. При этом учебно-воспитательный процесс строится как многоуровневая система, предлагающая множество образовательных маршрутов. Основные принципы конструирования комплекса гуманитарных знаний формулируются на основе системно-деятельностной идеологии (сообразно вышеизложенным целям и задачам высшего образования): универсальность – полнота набора гуманитарных дисциплин, обеспечивающих базовую подготовку к формированию этнокультурной компетентности; фундаментальность – научная основательность; современность и высокое качество базовой общегуманитарной и этнологической подготовки; интегративность – междисциплинарная кооперация научных исследований и учебных дисциплин общекультурного (гуманитарного) и социально-предметного блоков, достижение содержательного и структурнофункционального единства учебного процесса; последовательность и преемственность содержания дисциплин, обеспечивающих вхождение личности в современное полиэтничное пространство.

Непрерывное образование является социальным институтом, преемственно продолжающим процесс формирования и развития этнокультурной компетентности педагога, которое рассматривается как освоение новых знаний и умений выпускниками высшего или среднего специального образования.

Анализ исследований, посвященных непрерывному образованию позволил констатировать, что непрерывное образование педагогов отличается назначением, спецификой контингента, своеобразием деятельности образовательных учреждений, особенностью целей и задач, а именно: контингент непрерывного образования педагогов составляют специалисты, вовлеченные в сферу профессионального педагогического труда и имеющие опыт такой работы; непрерывное образование педагогов ориентированное, на образовательные потребности специалистов, являющихся субъектами различных видов педагогической деятельности, режим их социальной жизни; в непрерывном образовании педагогов делается преимущественный акцент на формирование прогрессивного социокультурного опыта и способности к его обогащению собственным вкладом.

В этом смысле непрерывное образование педагогов преемственно продолжает процесс превращения имеющегося в обществе социокультурного опыта в достижение всех его членов и через это обеспечивает обогащение творческого потенциала личности. Иными словами, основная цель непрерывного образования педагогов – удовлетворение их индивидуальных потребностей и интересов, повышение компетентности.

Исследования философско-концептуальных, теоретико-методологических, аксиологических, социокультурных, психолого-педагогических предметно-

методических аспектов непрерывного образования педагогов дают представление о его предназначении в контексте общецилизационных процессов, которое включает: эволюционность (надситуативность) – непрерывное образование способствует саморегуляции преподавателя в процессе постепенного накопления интеллектуального потенциала; эклектичность (фрагментарность) – непрерывное образование не сводимо к строго очерченным дисциплинам; относительность (вероятность) – непрерывное образование обладает особенностью гуманитарной культуры способствовать воспитанию сомневающегося человека, не беспринципного, а подвергающего все сомнению, достаточно четкого в оценках, отстаивающего свои убеждения, но способного и к их пересмотру; ситуативность (реалистичность) – непрерывное образование способствует прагматическому самоопределению преподавателя в ситуации неопределенности, требующей поиска ответов на многие вопросы; ценностность (направленность) – непрерывное образование способствует личностному самоопределению педагога в новых для него жизненных условиях; космополитичность (всечеловечность) – непрерывное образование формирует всечеловеческое мышление, которому свойственно особое понимание мира.

Взгляд на непрерывное образование в общецивилизацинном контексте позволяет рассматривать его как образование необходимое преподавателю для формирования миропонимания, выработки достаточно определенной и целостной концепции современной жизни и своего места в общественной деятельности, в основе которой «… основные научные подходы и особенности инновационных процессов …» [2, с. 38-48]. Общественные отношения определяются «сложным взаимодействием различных видов социальной коммуникации» [1, с. 95-100], формирующей социальную реальность [8, с. 29-35], «… как специфический феномен той или иной сферы общественной жизни» [3, с. 87-93]. Составной частью усовершенствования форм их развития, являются «… методологические проблемы определения профессионализма …» [6, с. 67-69]. Особенно это касается вопроса о роли религии, которая «… обладает свойствами системы ценностей, определяющих характер отношений в социокультурной среде» [7, с. 141-143], оказывает, так или иначе, влияние на социализацию [4, с. 184-190].

Как показывают исследования, проведенные коллективом ученых во главе со Змеевым С.И., контингенту обучающихся системы непрерывного образования присущи определенные специфические характеристики: осознанность самого себя самостоятельной, самоуправляемой личностью; обладание бытовым, профессиональным и социокультурным опытом, который становится все более важным источником обучения самого себя и коллег; стремление с помощью обучения решать жизненно важные проблемы и достичь конкретных целей; склонность к безотлагательной реализации полученных знаний, умений, навыков и качеств; зависимость в значительной мере в учебной деятельности от временных, пространственных, бытовых, профессиональных, социальных условий.

Эти характеристики определяют в известной степени принципы обучения взрослых, среди которых ученые-андрагоги (С.Г. Вершловский, Г.С. Сухобская) выделяют две группы: принципы, обеспечивающие личностно-профессиональное самоопределение взрослых и принципы, способствующие их личностно-профессиональному становлению.

В первую группу принципов включены: самостоятельность (максимальное участие обучающихся на всех основных этапах учебы – от планирования до контроля и коррекции); рефлексивность (постоянное осмысление педагогами основных параметров процесса обучения, своих действий, а главное – собственных изменений);

опора на жизненный и профессиональный опыт (в качестве одного из ведущих ресурсов обучения); сотрудничество (широкое использование совместной деятельности взрослых – как с преподавателем, так и между собой); индивидуализация (ориентация на образовательные потребности и цели взрослых, уровень их подготовки, особенности опыта, содействие самообразованию); развитие образовательных потребностей (построение обучения на основе выявления и восполнения деятельностных дефицитов и развития потребности в продолжении образования).

Содержание второй группы принципов составляют: контекстность (учет как индивидуально-личностных задач обучения, так и социально-профессиональных, мировоззренческих и духовно-нравственных аспектов); вариативность (создание условий для свободы выбора целей, содержания, методов, сроков и места обучения); модернизация (постоянное обновление и обогащение представлений о профессиональной картине мира, расширение методологического арсенала и его адаптация к конкретным целям и условиям); актуализация результатов обучения (предоставление возможности применения на практике и в процессе обучения приобретенных знаний, умений, качеств).

Выше обозначенные группы принципов составляют ценностные основания непрерывного образования педагогов. Это значит, что образование в данном контексте рассматривается в качестве самоценного явления, а не только как среда и условия повышения квалификации. Андрагогические (педагогика взрослых) принципы подчеркивают значимость не только результата образования, но самого процесса. Поэтому реализация принципов, снимая противоречие между опытом и знаниями, позволяет сделать процесс непрерывного образования личностно значимым [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 3-1. – С. 95-100.
2. Камалова О. Н., Жолобова И. К. Основные тенденции и инновации в системе отечественного образования // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – №1. – С. 38-48.
3. Камалова О. Н., Карпун А. Б. Основные структурные элементы политической власти // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – №1. – С. 87-93.
4. Корчак К. И. Информационная социализация и её потенциальные угрозы на ступени среднего общего образования в свете тенденции цифровизации // Народное образование. – 2021. – №4(1487). – С. 184-190.
5. Тимошек И. Н. Деятельностно-целевая методология для проектирования содержания подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре / И. Н. Тимошек, А. Н. Бескопыльный. – Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2026. – 137 с.
6. Тронина Л. А. Философские основания профессионализма современного педагога // Kant. – 2016. – №4(21). – С. 67-69.
7. Шамраева М. И. Традиционная культура как источник коэволюции человека и природы в контексте ноосферизма // Kant. – 2018. – №1(26). – С. 141-143.
8. Kuleshin M., Nemashkalov P., Plyako O. Historical consciousness in the process of forming ethnic stereotypes of material culture // Science Almanac of Black Sea Region Countries. – 2020. – №1(21). – С. 29-35.

УДК 37

ПРАКТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СТАЖИРОВОК СТУДЕНТОВ

Гарафутдинова Н.А., Гольтяпина И.Ю.

PRACTICAL AND LEGAL ISSUES IN ORGANIZING STUDENT INTERNSHIP

Garafutdinova N.A.., Goltyapina I.Yu.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы правового обеспечения стажировок обучающихся по программам дополнительного профессионального и высшего образования. Обращается внимание на недостаточность нормативного регулирования по изучаемому направлению. Проведен сравнительный анализ практики применения разных форм взаимодействия вузов и предприятий. Отмечены проблемы, возникающие при направлении для прохождения стажировок. Предложены практические рекомендации.

Abstract. The article examines current issues regarding the legal framework for internships undertaken by students in supplementary professional and higher education programs. Attention is drawn to the inadequacy of existing regulations in this area. A comparative analysis of practices involving various forms of cooperation between universities and enterprises is presented. Problems arising during the internship placement process are identified, and practical recommendations are proposed.

Ключевые слова: стажировки, практическая подготовка, взаимодействие вузов и предприятий.

Keywords: internships, practical training, interaction between universities and enterprises.

Исследуя развитие образовательного законодательства и практику сотрудничества образовательных организаций с работодателями, в первую очередь интересен вопрос о правовой регламентации изучаемых правоотношений. От полноты и конкретности правового регулирования зависит не только результативность освоения профессиональных компетенций обучающимися, но и реализация профессионального потенциала и последующее трудоустройство.

Говоря о формах практикоориентированного взаимодействия вузов и работодателей, можно выделить такие как сетевая форма реализации образовательных программ, организация практической подготовки и иные, менее формализованные. Применительно к каждой форме можно отмечать как преимущества, так и существенные недостатки [2, с. 276-282].

В этой связи полагаем, что изучение практики взаимодействия вузов при реализации образовательных программ с целью повышения качества образовательной деятельности является актуальным направлением исследования.

Настоящая статья посвящена вопросам правового регулирования и практики применения стажировок обучающихся. Отметим, что, в отличие от иных форм взаимодействия, указанных выше, правовое регулирование стажировок с позиции образовательного законодательства является фрагментарным и не позволяет обеспечить широкую практику применения такой формы. Так, сетевой форме реализации образовательных программ посвящена статья 15 закона об образовании и в развитие этих положений принят совместный приказ Минобрнауки России и Минпросвещения России. По практической подготовке также имеется определенная нормативная база. Если же мы

говорим о стажировках, то тут можно прямо заявлять о наличии существенного правового пробела в действующем образовательном законодательстве, поскольку в федеральном законе «Об образовании в РФ» о стажировках упоминается всего дважды, и эти упоминания не способствуют пониманию правовой сущности стажировки. В статье 34, посвященной основным правам обучающихся, закреплено право на направление для обучения и проведения научных исследований по избранным темам, прохождения стажировок, в том числе в рамках академического обмена, в другие образовательные организации и научные организации, включая образовательные организации высшего образования и научные организации иностранных государств. Отметим, что здесь не идет речь о стажировках на предприятиях в рамках отношений трудоустройства и укрепления профессионального сотрудничества, а только о стажировках научной направленности в образовательных организациях. Немаловажно, что отсутствует подзаконный акт, которым бы регламентировалось право на такие стажировки.

На недостаточность правовой регламентации в рассматриваемой сфере обращается внимание и в литературе [3, с. 11-22].

Говоря о дополнительном профессиональном образовании, в ст. 76 законодатель предусматривает, что дополнительная профессиональная образовательная программа может реализовываться в формах, предусмотренных законом об образовании, а также полностью или частично в форме стажировки. В данном направлении мы можем обратить внимание, что Минобрнауки России был принят приказ от 24.03.2025 № 266, которым утвержден порядок организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам. Устанавливается, что стажировка осуществляется для изучения опыта и закрепления теоретических знаний, а также для приобретения практических навыков и умений для их эффективного использования при исполнении своих должностных обязанностей. Тем самым мы можем отметить исключительно практикоориентированную направленность такого вида учебной деятельности как стажировка. Также можно отметить, что содержание стажировки определяется с учетом предложений заказчика (либо образовательной организацией самостоятельно). Анализируя виды учебной деятельности, можно обратить внимание, что они сформулированы исходя из необходимости учета интересов организации, где проходит стажировка и подразумевают достаточно серьезное погружение в рабочую деятельность. Например, непосредственное участие в планировании работы организации, выполнение функциональных обязанностей отдельных работников (в качестве временно исполняющего обязанности или дублера). Перечень видов деятельности в рамках стажировки носит примерный характер и может быть дополнен в зависимости от потребностей конкретной организации, на базе которой проводится стажировка. В типовых дополнительных профессиональных программах может быть предусмотрена необходимость организации стажировки в процессе обучения.

Таким образом, подводя предварительные итоги изложенному, мы можем отметить, что использование стажировок для развития сотрудничества с работодателями является перспективной формой, направленной на профессиональную ориентацию слушателей, на формирование и развитие необходимых профессиональных компетенций.

До сих пор мы говорили о стажировках в рамках реализации дополнительных профессиональных программ, однако применение указанных норм к отношениям стажировки обучающихся при реализации образовательных программ высшего и среднего профессионального образования не противоречит нормам закона об образовании, но с учетом некоторых оговорок. Перечисленные выше цели и виды учебной деятельности при организации стажировки укладываются в смысл и содержание аналогичных правоотношений, которые могут возникнуть при реализации программы высшего образования и организации стажировок для студентов, а не для слушателей.

В то же время мы можем заметить, что имеющегося нормативного материала недостаточно для полноценной и результативной организации стажировок. Так, в первую очередь нужно поставить вопрос о том, а как оформляются отношения между образовательной организацией и предприятием, на базе которого проводится стажировка. Если в случае применения сетевой формы реализации образовательной программы или при организации практической подготовки имеется нормативный акт, в котором закреплен порядок оформления взаимоотношений сторон, их статус, то применительно к стажировкам мы не имеем никаких официальных документов.

В этой связи возникает достаточно большое количество вопросов. Необходимо определить, на кого возлагается ответственность за организацию учебной деятельности на предприятии. Следует позаботиться об инструктажах – по охране труда, технике безопасности и иным. Также стороны должны договориться и о том, какие именно ресурсы предприятия (станки, оборудование, компьютерная техника и т.д.) могут и должны использоваться при проведении стажировок, на возмездной или безвозмездной основе. Немаловажным является и график присутствия на предприятии в период стажировки – в какие часы в течение рабочего времени, объем таких часов, какое рабочее место будет отведено для выполнения производственных обязанностей, кто будет наставником либо лицом, ответственным за проведение стажировки в период ее прохождения. В свете того, что стажировка в рамках реализации дополнительных профессиональных программ предполагает освоение компетенций либо их закрепление, предприятие должно согласовать такие результаты прохождения стажировки. Отдельные вопросы – как учитывать произведенную продукцию (если таковая есть) с позиции возникновения вещного права и последующего налогообложения. Также в этом случае остаются нерешенными вопросы о статусе стажера (в первую очередь с позиции трудового законодательства). Еще более важными являются вопросы, которые возникают при проведении стажировок по техническим направлениям – например, допуски к работе с разным оборудованием.

В свете озвученных вопросов становится очевидным, что проблема оформления отношений сторон в рамках стажировки является очень острой и требует своего решения. Необходим договор, однако в настоящее время формы такого договора нет. Бездоговорные отношения с высокой степенью вероятности могут повлечь очень значительные проблемы, особенно в случаях, когда необходимо говорить о сохранении профессиональной тайны, иной конфиденциальной информации, о производстве продукции, попадающей под экспортный контроль.

Отдельные вопросы, связанные с понятием стажировок в трудовом законодательстве, рассматриваются и в литературе [4, с. 52-60].

Таким образом, законодатель не уделяет этой проблеме должного внимания, несмотря на то что п. 12 ст. 76 закона об образовании включена в перечень обязательных требований, проверяемых при осуществлении контроля (надзора) в сфере образования.

Для ясности отметим, что трудовое законодательство не регулирует стажировки. Следовательно, эта обязанность целиком и полностью возлагается на предприятие, на котором проводится стажировка. Более того, высказывается позиция, что стажировки обучающихся конкретного вуза на предприятии могут проводиться только в случае реализации дополнительной профессиональной программы и на основании договора. Конечно, само предприятие вправе предусмотреть в штатном расписании такую должность как стажер, принять локальный акт, регулирующий основания и порядок прохождения стажировок у данного работодателя. Однако со стажером необходимо заключить трудовой договор в целях соблюдения норм трудового законодательства. В литературе рассматривается пример судебной практики, когда увольнение ученика-стажера было признано незаконным [1, с. 54-61]. Это позволяет отметить тот факт, что работодателю следует со всей серьезностью отнестись к оформлению трудовых отношений со стажером.

Отметим, что с 1 марта 2027 года вступают в силу изменения в Трудовой кодекс РФ – в ст. 57 «Содержание трудового договора» предусматривается, что при заключении срочного трудового договора о стажировке в сфере труда в наименовании должности, профессии или специальности стажера указывается, что работник является стажером. Также добавляется ст. 351.9. «Особенности регулирования труда работников, проходящих стажировку в сфере труда». Эти изменения являются своевременными и необходимыми, поскольку будут регулировать именно отношения между обучающимся, который идет на стажировку и предприятием-работодателем. Важными являются положения, устанавливающие сроки стажировки, а также правовой статус сторон.

Однако вводимые положения вполне закономерно не регулируют отношения между образовательной организацией, которая готова направлять обучающихся на стажировку в целях последующего трудоустройства, и предприятием-работодателем.

Если рассматривать вопрос о том, какая договорная конструкция между предприятием и вузом из уже известных может подойти, то следует остановиться на договоре о практической подготовке. Конечно, в полном объеме положения этого договора не могут быть переложены на отношения стажировки, но такой договор может быть взят в основу. Договор о сетевой форме не вполне подходит по объективным причинам – это отдельная форма реализации образовательной программы, и при зачислении на нее либо при переводе обучающиеся должны быть уведомлены, в некоторых случаях присутствует академическая мобильность.

Попробуем разобраться в правовой сущности стажировки в сравнении с практической подготовкой. Практическая подготовка реализуется только в установленные периоды времени соответствии с календарным учебным графиком, утвержденным расписанием занятий. Стажировка может быть организована в любой период времени (при условии реализации образовательной программы в полном объеме и согласия обучающихся). Часы, отводимые на стажировку, могут не входить в объем образовательной программы (если речь не идет о дополнительной профессиональной программе). Не является обязательным согласовывать результаты образовательной программы, как при сетевой форме либо при проведении практической подготовки. Соответственно, нет необходимости оценивать полученные результаты. В этой связи в рамках стажировки можно осваивать новые виды деятельности за пределами образовательной программы, по которой обучается студент. Предприятие самостоятельно устанавливает график нахождения на предприятии, а также объем выполняемой работы. Учитывая отсутствие формализации к процессу реализации стажировки, отметим, что по итогам стажировки может быть выдан любой документ, подтверждающий факт ее прохождения – например, сертификат.

Изложенное позволяет заметить, что в целом использование такой формы взаимодействия образовательных организаций и предприятий как стажировки является достаточно перспективным и необходимым, однако требуется принятие соответствующих изменений в образовательном законодательстве, поскольку урегулировать все возникающие вопросы нормами трудового законодательства невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галина, Е. Принимаем на работу начинающих специалистов / Е. Галина. – Текст : непосредственный // Учреждения физической культуры и спорта: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2021. – N 5.

2. Гольтяпина, И.Ю. Сетевое взаимодействие вузов и работодателей: перспективы развития / И. Ю. Гольтяпина. – Текст : непосредственный // В сборнике: Современные концепции преподавания: интеграция индустриального опыта и новые форматы обучения. Материалы всероссийской научно-методической конференции с

международным участием, посвященной 65-летию омской истории ОмИИТа – ОмГУПСа. В 3-х частях. Омск, 2026.
3. Куревина, Л.В. Принимаем на работу выпускника / Л. В. Куревина. – Текст : непосредственный // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. – 2021. – N 5.
4. Тяпухин, С.В. Стажировка и все, что с ней связано / С. В. Тяпухин. – Текст : непосредственный // Оплата труда в государственном (муниципальном) учреждении: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2022. – N 10.
Гольтяпина Ирина Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Таможенное дело и право» Омского государственного университета путей сообщения (Российская Федерации, 644046, г. Омск, пр. Маркса, д. 35. e-mail: goltyapinaiu@mail.ru).

УДК 37

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МАТЕМАТИЧЕСКИХ КВЕСТОВ И ВЕБ-КВЕСТОВ В РАЗВИТИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА ШКОЛЬНИКОВ

Ланина С.Ю.

THE DIDACTIC POTENTIAL OF MATHEMATICAL QUESTS AND WEBQUESTS IN DEVELOPING SCHOOLCHILDREN'S COGNITIVE INTEREST

Lanina S.Yu.

Аннотация. В статье исследуется дидактический потенциал математических квестов и математических веб-квестов в школьном образовании. Описаны структурные компоненты квест-технологий: эмоциональный компонент; интеллектуальный компонент; поведенческий компонент. Рассмотрено методическое своеобразие математических квестов в очном и онлайн-форматах через его обязательные элементы. Выделена базовая структура методически грамотно разработанного математического квеста, которая содержит в себе следующие этапы: ведение, задание, выполнение и использование ресурсов, оценивание, заключение и рефлексия. Описаны психолого-педагогические и организационно-методические условия эффективной реализации дидактического потенциала математических квестов.

Abstract. The article examines the didactic potential of mathematical quests and mathematical web-quests in school education. It describes the structural components of quest-based technologies: the emotional, intellectual, and behavioral components. The methodological distinctiveness of mathematical quests in both in-person and online formats is analyzed through their essential elements. The basic structure of a methodologically sound mathematical quest has been identified, comprising the following stages: introduction, task, execution and resource utilization, assessment, and conclusion and reflection. The psychological-pedagogical and organizational-methodological conditions for effectively realizing the didactic potential of mathematical quests are described.

Ключевые слова: дидактический потенциал, квесты, познавательный интерес, математика, школьники.

Keywords: didactic potential, quests, cognitive interest, mathematics, schoolchildren.

Современное школьное образование находиться в состоянии новых, современных методических подходов, которые были бы направленны на преодоления разрыва между абстрактных характером математики и практическими запросами «цифрового поколения». Репродуктивная модель обучения, которая традиционно применяется в математическом образовании, направлена на заучивание формул, алгоритмов, теорем, аксиом, и зачастую приводит к снижению учебной мотивации, возникновению «математической тревожности», а также к уменьшению уровня познавательного интереса школьников [2, 3].

Понятие «познавательный интерес» многие исследователи (С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, Г.И. Щукина и др.) рассматривали как избирательную направленность личности на предметы, явления окружающего мира, которая характеризуется явным стремлением к их глубокому изучению и освоению.

Традиционно, в структуре познавательного интереса, выделяют три компонента связанных между собой:

- эмоциональный компонент, отвечает за чувство радости открытия, за интеллектуальное удовольствие от решения трудной задачи или примера, за чувства удивления и азарта;
- интеллектуальный компонент, включает в себя направленность на осуществление мыслительных процессов (анализ, синтез, абстрагирование, выявление причинно-следственных связей, поиск закономерностей, целеполагание, планирование и прогнозирование);
- поведенческий компонент отвечает за проявление инициативы, способности к преодолению возникающих когнитивных трудностей, стремление довести начатое исследования до логического завершения.

Рассматривая познавательный интерес в рамках математического образования, необходимо отметить, что оно проходит несколько уровней своего развития:

- ситуативное любопытство, которое чаще всего вызывается внешней новизной, ярким, нестандартным оформлением материала;
- устойчивый интересу проявляющемуся в стремлении самостоятельно рассмотреть и разобраться с несложной математической проблемой;
- направленность на выявление сути математических явлений через осознанное овладение знаний, преодоление возникающих трудностей, проявление солевых усилий;
- увлеченность математикой как наукой, потребность в осуществлении исследовательской деятельности с целью познания мира через применение математических методов и абстракций.

Традиционная классно-урочная система математического образования в большей степени использует репродуктивный уровень мышления школьников, что зачастую приводит к угасанию познавательному интереса по мере услужения изучаемого математического материала.

Одним из наиболее перспективных направлений решения данной проблемы является интегрирование, в единое образовательное пространство, игровых технологий и элементов электронного обучения. Дидактическим инструментом, которое может быть эффективно использоваться в таком пространстве, могут выступать квест-технологии. Математические квесты и веб-квесты обладают уникальным обучающим потенциалом, за счет перестраивания пассивного усвоения математических абстракций в активный или интерактивный процесс взаимосвязанных действий, направленных на практический поиск, решение исследовательских задач, проектирование и конструирование собственных способов действий.

Под образовательным квестам понимается интерактивная игровая технология, которая сочетает в себе целенаправленный поиск информации, осуществление решения проблемных задач, преодоление промежуточных препятствий для достижения поставленной итоговой цели [6].

Выделяют две основные формы математических квестов, в зависимости от образовательной среды и характера осуществления взаимодействия между участниками.

1. Традиционный математический квест проводится в физическом пространстве (класс, музей, школа, открытая местность и т.п.), а движение школьников по маршруту регулируется решением математических задач или примеров, ответы на которые направляют учащихся на следующую локацию или дает ключи для открытия новых игровых объектов.

2. Математический веб-квест реализуется в цифровом пространстве, включает в себя проблемно-ориентированные задания с элементами ролевой игры, выполнение которых производится с использованием информационных ресурсов Интернета [5]. Он представляет собой интерактивную веб-страницу или специализированный сайт или платформа, работая в которой школьники выполняют поиск, отбор и анализ необходимой информации для решения математических или логических задач.

Методическое своеобразие математических квестов в очном и онлайн-форматах заключается во взаимосвязи следующих компонентов:

- проблемное обучение; математические задачи и примеры, используемые для составления квестов, должны содержать сюжетный контекст и проблемное содержание, так чтобы при работе с такой задачей у школьника возникал дефицит необходимой для ее решения информации или инструментария, что побуждает в нем потребность в приобретении новых знаний [1];

- сюжетно-ролевой характер квеста; для создания сильного эмоционального фона, необходимо наличие единой идейной фабулы, за счет распределения ролей внутри групп, достигается индивидуализация образовательного процесса, учет имеющихся у школьника склонностей, интересов и уровня математической подготовки4

- вариативность; квест, в отличии от стандартного урока, предлагает несколько альтернативных маршрутов решения, неверное решение математической задачи или примера мгновенно корректирует траекторию игрока, что дает ему возможность самостоятельно увидеть последствия неверных решений и осознать непреложность математических законов, без критики со стороны учителя.

Базовая структура методически грамотно разработанного математического квеста должна оставаться неизменной для любого раздела математики, но при этом легко подстраиваться под учебные цели, за счет гибкой структуры. Принимая во внимание классическую модель образовательного квеста, разработанную Б. Доджа, можно выделить следующие обязательные структурированные этапы.

1. Ведение. На этапе введения происходит погружение в изучаемую тему, обоснование ее актуальности, чаще всего через практическую значимость, формирование первичной эмоциональной вовлеченности. Здесь закладывается сюжетно-образующая фабула квеста.

2. Задание. На этом этапе школьники учитель четко, понятно и обязательно через какую-либо проблему, должен описать конечный результат деятельности учеников. Предлагаемое задание должно быть выполняемым и требовать от школьников интеллектуального напряжения.

3. Выполнение и использование ресурсов. Этап подразумевает последовательное выполнение следующих действий: ознакомление с пошаговой инструкцией по организации работы школьников, распределение ролей и выполнения промежуточных подзадач. Для веб-квестов, важным является предоставление учителем список безлопастных, верифицированных электронных ресурсов необходимых для работы в рамках данного квеста. Такой список способствует за счет исключения хаотического поиска информации, концентрированию внимания учеников на аналитической работе.

4. Оценивание. Данные этап целесообразно осуществлять с применением матрицы оценивания, которая позволяет дифференцировать оценку за счет учета индивидуального вклада каждого в решение математической задачи или примера, за

качество выстроенной групповой коммуникации, а также учитываю финальную презентацию полученного решения.

5. Заключение и рефлексия. На данном этапе подводятся итоги проделанной работы, обобщаются полученные математические знания и проводится глубокий анализ метапредметных результатов. Важным является трансформировать игровой успех в академическую плоскость, за счет фиксации тех математических понятий, теорем, свойств и алгоритмов, которые были применены в ходе квеста и позволили его успешно завершить.

Для эффективной реализации дидактического потенциала математических квестов, недостаточно четко соблюсти прохождение вышеописанных этапов. Важно принять во внимание следующие психолого-педагогические и организационно-методические условия. Во-первых, математический квест должен соответствовать принципу научности и доступности. Математическая составляющая должно органично вытекать из легенды квеста, а не являться искусственной надстройкой над сюжетом. Уровень сложности испытуемого математического аппарата должен соответствовать зоне ближайшего развития школьников. Так при простоте задачи, игра превратиться в поверхностное развлечение, а слишком сложная задача – существенно снизит познавательный интерес, и уменьшит вовлеченность в процесс ее решения. Во-вторых, в ходе выполнения квеста, необходимо обеспечить диалогичность и групповую автономию. Учитель, опираясь на принципы кооперативного обучения, разбивает класс на малые группы таким образом, чтобы в каждой группе находился сильный ученик, который будет выступать в роли тьютора, другие ученики должны реализовывая свои сильные стороны (творческие, технические, организационные и т.п.) постепенно вовлекаться в процесс решения математических задач. Учитель должен выступать в роли модератора и сетевого координатора. В-третьих, во время прохождения квеста, должно быть соблюдено оптимальное сочетание используемых цифровых и традиционных инструментов. Так избыток графических и анимационных элементов, рассеивает внимание и снижает сосредоточенность школьников на математической сути задачи. Использование цифровых инструментов, например, GeoGebra, должно быть направлено не на замену процесса мышления, а на визуализацию абстрактных понятий, или на проведение численных экспериментов и верификацию гипотез. В-четвертых, при разработке квестов, необходимо обратить особое внимание на выстраивание четкой организации системы оперативной обратной связи. В веб-квестах, важно настроить полуавтоматическую или автоматическую систему проверки промежуточных шагов. Такая система позволит моментально подтвердить правильность хода мысли школьника, а также в случаи появления ошибки вовремя осуществить подсказку, что будет способствовать стимулированию дофаминовой системы поощрения, что напрямую влияет на устойчивость познавательного интереса на протяжении прохождения всего квеста.

Дидактический потенциал математических квестов и математических веб-квестов в развитии познавательного интереса учеников проявляется в способности гармонично объединять академическую строгость математической науки с динамичной, эмоционально насыщенной и интерактивной формой деятельности школьника [4]. Интегрирование квест-технологии в образовательный процесс позволяет преодолеть абстрактную составляющую математических знаний, наглядно показывая её практическую ценность, инструментальность и эстетическую красоту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оболдина Т. А., Бубнова О.С. Проблемные ситуации как средство развития познавательного интереса учащихся 5-6 классов на уроках математики // Заметки ученого. – 2020. – № 9. – С. 254-257.

2. Горовая В. В. Дидактический подход в развитии познавательного интереса на уроке математики // E-Scio. – 2021. – № 11(62). – С. 482-487.
3. Абраменко Н. Ю. Реализация педагогического потенциала инструментальных средств для повышения мотивации обучающихся на уроках математики: на примере интерактивной доски // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 4. – С. 10-13.
4. Математические квесты «Интеграл по городу»: опыт и перспективы / Д. В. Мусатов, С. Е. Бойченко, О. Н. Малхожева [и др.] // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1(49). – С. 63-67.
5. Баклыков Д. В., Блинова Т.Л., Воинкова А.В. Математический квест как средство активизации познавательного интереса обучающихся // Актуальные вопросы преподавания математики, информатики и информационных технологий. – 2021. – № 6. – С. 142-150.
6. Ланина С. Ю., Плащевая Е.В., Иванчук О.В. Квесты как один из игровых методов обучения студентов учреждений среднего профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. – 2026. – № 91-3. – С. 169-171.

УДК 37

МЕТОДИКА КОНТЕКСТНОГО ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ СПО

Савельева И.В., Ланина С.Ю.

A METHODOLOGY OF CONTEXT-BASED MATHEMATICS INSTRUCTION AS A MEANS OF PROFESSIONALIZING STUDENTS IN TECHNICAL FIELDS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Savelyeva I.V., Lanina S.Yu.

Аннотация. В статье исследуется актуальная педагогическая проблема, связанная с повышением эффективности и качества математической подготовки студентов учреждений среднего профессионального образования обучающихся на технических специальностях. В работе описано противоречие между фундаментальным характером математической дисциплины и прикладными потребностями профессиональных задач. Описаны структурные компоненты профессионально-математического контекста. Предложена матрица соотнесения фундаментальных разделом математики и прикладных профессиональных контекстов по ряду технических специальностей. Рассмотрены обязательные этапы, которые должен пройти студент в процессе решения контекстной задачи.

Abstract. The article examines a pressing pedagogical issue concerning the enhancement of the effectiveness and quality of mathematical training for students in technical specialties at secondary vocational education institutions. The study outlines the contradiction between the fundamental nature of mathematics and the applied requirements of professional tasks. It also describes the structural components of the professional-mathematical context. A matrix correlating fundamental branches of mathematics with applied professional contexts across a range of technical specialties is presented. The mandatory stages a student must complete when solving a contextual problem are examined.

Ключевые слова: контекстное обучение, контекстная задача, математика, студенты, технические специальности, среднее профессиональное образование.

Keywords: context-based learning, contextual problem, mathematics, students, technical majors, secondary vocational education.

Динамичное развитие современного общества, оказывает существенное влияние на производственную сферу, так как именно в этой области наблюдается сквозная цифровизация производственных секторов, автоматизация технологических процессов, внедрение интеллектуальных систем. Происходящие изменения, в свою очередь, оказывают влияние на те требования, которые предъявляются к выпускнику учреждения среднего профессионального образования, особенно технических профилей подготовки. Современный программист, техник, строитель или энергетик является не просто исполнителей набора базовых технологических операций, а представляет собой специалиста, который вовлечен в аналитическую, проектно-конструкторскую и диагностическую деятельность. Все перечисленные виды деятельности невозможно выполнять на высоком профессиональном уровне без качественной фундаментальной подготовки, ключевым элементов которой является математика.

В рамках системы среднего профессионального образования (СПО), математическое образование выполняет две важные функции: развивающую, так как способствует формированию логического, алгоритмического и абстрактного мышлений и обеспечивающую, так как она обеспечивает фундаментальную базу (знания и инструменты) для изучения общепрофессиональных дисциплин и дисциплин профессиональных модулей [1].

Рассматривая процесс преподавания математики в системе СПО, необходимо отметить те трудности, с которыми традиционно сталкиваются преподаватели. На младших курсах, большинство студентов обучающихся на технических специальностях, например, таких как «Информационные технологии и программирование», «Технология машиностроения», «Строительство и эксплуатация зданий и сооружения», не осознают полезность и важность изучаемого математического материала. Матрицы, производные, пределы, интегралы воспринимаются ими как несовместимые с будущей профессиональной деятельностью понятия, и изучение которых необходимо лишь для того, чтобы успешно сдать сессию. Таким образом, возникает противоречие между объективно высокой потребностью в развитом математическом аппарате студентов для успешного освоения дисциплин профессиональных модулей и отсутствием личной мотивации и опыта студентов применять этот аппарат для решения прикладных инженерно-технических задач. Одним из путей решения данного противоречия является трансформация процесса обучения на основе теории контекстного обучения [5]. Применение контекстного обучения дает возможность преодолеть разрыв между математикой как абстрактной учебной дисциплиной и будущей профессией.

Теория контекстного обучения, разработанная и методологически оформленная в трудах академика А.А. Вербицкого и его научно-педагогической школы, базируется на деятельностном подходе и предполагает, что усвоение теоретического материала происходит через его преломление в контексте будущей профессиональной деятельности [2]. Под контекстом понимается единая система внутренних и внешних условий жизни и деятельности человека, которая напрямую определяет восприятие, понимание и осмысление конкретной ситуации, тем самые структурируя его действия. Внутренний контекст включает в себя совокупность индивидуально-психологических особенностей, установок, ценностных ориентиров, а также имеющегося жизненного опыта студента. Внешний контекст представляет собой особенности окружающей среды, информационные потоки и социокультурные условия. При организации контекстного обучения студенты усваивают материал в процессе динамичного решения знаковых задач, которые моделируют их будущую профессиональную деятельность,

таким образом, усвоение теоретического материала становится необходимым условием и средством достижения поставленной практической цели [4].

Применительно к математическим дисциплинам в учреждениях СПО обучение направлено на поэтапное формирование профессионально-математического контекста, который включает в себя три основные типа компонента: семантический компонент (перевод абстрактного математического языка на язык понятий технических дисциплин, так, например, определенный интеграл рассматривается не как площадь криволинейной трапеции, а как величина суммарной работы переменной силы или как объем выработанной электроэнергии); социальный компонент (в процессе обучения математике организовывается групповое взаимодействие студентов, такой формат позволяет имитировать работу внутри производственного коллектива (инженерного или IT-отдела), где важным являются такие навыки как: принятие коллективного решения, аргументирование своей точки зрения, распределения ответственности); (инструментально-деятельностный компонент (подразумевает применение математического моделирования как непосредственного метода решения конкретных производственно-технических задач).

В рамках контекстного обучения происходит методическое преобразование математического знания, через знаковую систему, к модели профессиональной ситуации, а затем – к реальному технологическому решению.

Профессионализация обучения математике в СПО не подразумевает уменьшения фундаментальной составляющей дисциплины и увеличение узкоспециализированного материала. Она позволяет показать студентам что фундаментальные математические структуры являются схемами для моделирования и модификации объектов техносферы.

Непосредственное включение контекстного подхода в процесс обучения таких дисциплин как «Математика», «Элементы высшей математики» требует соотнесения их рабочей программы со спецификацией федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по каждому из направлений подготовки, где будет преподаваться эта дисциплина. В таблице 1 предложена матрица соотнесения фундаментальных разделом математики и прикладных профессиональных контекстов по ряду технических специальностей.

Таблица 1 – Матрица соотнесения фундаментальных разделом математики и прикладных профессиональных контекстов по ряду технических специальностей.

Раздел математики	Специальность СПО	Прикладной контекст
Линейная алгебра и аналитическая геометрия	Информационные системы и программирование	Создание трехмерной графики, программирование игровых движков, преобразование систем координат объектов, расчет матричных трансформаций изображений
Дифференциальное исчисление	Автоматизация технологических процессов; Машиностроение	Определение оптимальных режимов резания; расчет максимальных нагрузок на узлы; исследование скоростей физико-химических процессов.
Интегральное исчисление	Строительство; Энергетика	Вычисление объемов земляных работ; определение статических моментов и центров тяжести строительных конструкций; расчет работы переменного тока.
Теория вероятностей и статистика	Информационные системы; Контроль качества	Оценка надежности технических систем; статистический контроль качества деталей; расчет пропускной способности каналов связи.
Дифференциальные уравнения	Радиотехника; Мехатроника	Моделирование колебательных процессов в контурах; динамика переходных процессов; расчет траекторий манипуляторов роботов.
Векторная алгебра и геометрия	Архитектура; Геодезия	Проектирование пространственных каркасов; расчет усилий в стержневых системах ферм; обработка геодезических данных.

В контекстном обучении основным дидактическим инструментов является контекстная математическая задача, под которой понимается задача, содержание которой описывает реальную или профессиональную ситуацию из области будущей профессиональной деятельности студента, и для решения которой требуется применить математический аппарат [3]. При конструировании контекстных задач, необходимо принимать во внимание следующие обязательные этапы, которые должен пройти студент в процессе ее решения.

Этап 1. Анализ производственного сценария. Студенты изучают текст задачи, которая сконструирована с использованием исключительно терминами будущей профессии. На этом этапе происходить разбор задачи на составные части, выделение важных технологических условий, анализ имеющейся информации на предмет избыточности или дефицита, а также формулирование инженерного противоречия.

Этап 2. Построения математической модели проблемы. Наиболее сложный для студентов этап, на котором необходимо отбросить несущественные физические или производственные детали, и перевести задачу с технического языка на математический язык, через применение математических символов, законов, принципов. С начала студенты вводят независимые переменные, выявляют функциональные зависимости, которые существуют между ними, определяют границы допустимых значений введенных переменных, и затем составляются уравнения или неравенство или система уравнений или система неравенств, которые формируют математическую модель исходной задачи.

Этап 3. Решение внутри математической модели. Студенты работают только с созданной математической моделью, не принимая во внимание те физические, технические и другие смыслы, которые были заложены в переменные. На этом этапе студенты используют чисто академические математические навыки: интегрирование, дифференцирование, раскрытие неопределенностей, матричные преобразования и т.п. Итогом данного этапа становится полученный числовой или алгебраический результат.

Этап 4. Интерпретация и верификация. Полученный числовой или алгебраический результат студенты должны перевести на язык той технической области, в рамках которой была смоделирована исходная задача. Также необходимо провести критический анализ полученного результата с точки зрения технической реализуемости, экономической целесообразности.

Применение профессионально-ориентированных задач, построенных по описанному четырехэтапному принципу: анализ технического сценария, построение абстрактной математической модели, решение математической модели, верификации полученного решения, способствует не только формированию у студентов инженерного мышления, но и мотивирует их к активизации познавательной деятельности, формируя устойчивый интерес к будущей профессиональной деятельности, а также осознания междисциплинарных связей между практической инженерией и фундаментальными науками. Они приобретают устойчивый навык видеть за абстрактными математическими формулами конкретные физические, технологические и экономические процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амангельдыева, Г. Т. Математика как язык профессии: от абстрактных формул к реальным задачам // Моя профессиональная карьера. – 2025. – Т. 2, № 79. – С. 121-124.

2. Вербицкий А. А. Теория и технологии контекстного образования: учебное пособие. – М.: МПГУ, 2017. – 268 с.

3. Дербуш М. В. Контекстные задачи как средство формирования личностных результатов обучающихся при обучении математике (уровень основного общего образования) // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2024. – Т. 13, № 2. – С. 15-20.

4. Жакыпова З. Ж., Эсеналиева Г. А. Педагогические условия активизации учебной деятельности студентов средствами контекстных технологий // Alatoo Academic Studies. – 2021. – № 1. – С. 52-58.
5. Пачикова Л. П., Мальчукова Н. Н., Куликова С. В. Повышение мотивации к изучению математики у будущих инженеров аграрного профиля / Л. П. Пачикова, // Педагогическое образование в России. – 2023. – № 4. – С. 94-102.

УДК 37

КОНФЛИКТЫ В ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РФ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДГОТОВКИ К НИМ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ

Сиразетдинов М.Р.

CONFLICTS IN MILITARY UNITS OF THE RUSSIAN FEDERATION NATIONAL GUARD, THEORETICAL ANALYSIS OF FUTURE OFFICERS' TRAINING

Sirazetdinov M.R.

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению взаимоотношений между военнослужащими различных категорий, особенностям межличностных отношений в воинских коллективах, подготовке будущих офицеров войск национальной гвардии РФ к работе с подчиненными, в том числе их готовности к конфликтам между военнослужащими. Важность данного вопроса обусловлена особенностями взаимоотношений в воинской среде, в которой нередко возникают противоречия и различные конфликтные ситуации. Представлены объективные и субъективные причины возникновения конфликтов в воинских коллективах.

Abstract. This article focuses on the relationships between military personnel of various categories, the specifics of interpersonal relations in military units, and the training of future officers of the Russian National Guard to work with their subordinates, including their readiness for conflicts between military personnel. The importance of this issue lies in the unique nature of relationships in the military environment, where conflicts and disagreements often arise. The article presents objective and subjective reasons for conflicts in military units.

Ключевые слова: военно-профессиональная деятельность, воинский коллектив, конфликты, противоречия, офицеры, причины конфликтов.

Keywords: military professional activities, military units, conflicts, contradictions, officers, causes of conflicts.

На протяжении многовековой истории человечества одним из важнейших инструментов практически каждого государства, отвечающих за внутреннюю и внешнюю безопасность страны, являлись армия, различные силовые подразделения и структуры. Цели и задачи данных формирований были различны, но основное их предназначение – это обеспечение суверенитета и обороны государства, государственной и общественной безопасности, защита прав и свобод граждан страны.

В Российской Федерации одним из таких важнейших формирований, созданным для обеспечения безопасности и развития нашей страны, являются Росгвардия, войска национальной гвардии РФ (ВНГ РФ).

В современное время с учетом сложившихся реалий в мире и в нашей стране, выполняемые ВНГ РФ задачи достаточно актуальны и важны. Данные задачи

определены федеральным законодательством [1]. К основным из них можно отнести: участие в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности; охрана важных государственных объектов; участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом; участие в обеспечении режимов чрезвычайного и военного положения; участие в территориальной обороне; оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране Государственной границы.

Рассмотрев перечисленные задачи и проведя анализ, можно прийти к выводу, что от результатов и качества их выполнения зависит дальнейшее развитие и будущее нашего общества и государства в целом.

Стоит признать очевидные факты, что мир действительно переживает такой сложный период, где вызовы взаимосвязаны и усиливают друг друга. Для преодоления этих трудностей требуется сотрудничество на всех уровня, от государства до гражданского общества. Здесь также нельзя не согласиться со словами Президента Российской Федерации, где было сказано, что в наши дни человечество переживает очень сложные и не самые спокойные времена. В данное время меняется многое в нашей жизни и достаточно быстрыми темпами: от глобальной расстановки сил и влияния до социальных, экономических и технологических основ жизни общества, государств и даже континентов. Глядя на историю прошедших столетий, мы видим, что подобные масштабные изменения практически всегда сопровождались большими военными конфликтами [2].

Поэтому, очевидно, что подготовке и состоянию воинских частей и подразделений ВНГ РФ со стороны различных должностных лиц всех степеней и рангов необходимо оказывать серьезное и пристальное внимание.

Необходимо отметить, что особого внимания в существующих реалиях заслуживает подготовка офицерского состава, от готовности которых к самостоятельной военно-профессиональной деятельности, умению принимать грамотные и необходимые решения, нести ответственность за принимаемые данные решения, зависит достаточно многое.

Конечно, все понимают, что от уровня подготовленности и профессионализма офицеров зависит очень многое. «Каковы офицеры, таковы и войска» – эта истина не раз подтверждалась военной историей, высказываниями выдающихся полководцев [3].

Подготовка офицерских кадров ВНГ РФ осуществляется в военных институтах Росгвардии. По сравнению с недавним временем в наши дни учебный процесс в военных институтах отличается большим охватом личного состава, повышенным оснащением учебно-материальной базой, уклоном в сторону практической деятельности. Учитывая данные положительные аспекты, можно отметить позитивную динамику качества обучения будущих офицеров. Но, тем не менее, остается ряд специфических качеств курсантов, которые требуют отдельного внимания, детального изучения и развития. Также необходимо обратить внимание, что помимо определенных формируемых компетенций в ходе обучения у будущих офицеров ВНГ РФ должно прийти понимание того, что на командира ложится не только огромная личная ответственность, но и ответственность за подчиненных. Поэтому одним из важных аспектов подготовки будущих командиров является не только формирование компетенций, но и его готовность руководить подразделением в ходе подготовки и выполнения служебно-боевых задач, поддерживать правопорядок и воинскую дисциплину и др.

В любом воинском коллективе складываются и одновременно сосуществуют два вида отношений (официальные и неофициальные). Официальные — определены различными руководящими документами и нормативно-правовыми актами (законами, уставами, положениями, инструкциями). Данные отношения в воинском коллективе строятся на основе определенного положения, занимаемого каждым в системе военной иерархии в организации. В военной среде в рамках коллектива наиболее заметна субординация отношений по вертикали: отношений между начальниками и

подчиненными, старшими и младшими. Отношения второго вида проявляются во взаимоотношениях военнослужащих, в которых особую ценность имеют такие качества как войсковое товарищество, взаимовыручка, сплоченность, чувство долга и верность воинскому долгу [4].

В каждом коллективе в ходе совместной деятельности людей периодически возникают споры, разногласия, расхождения взглядов. Однако в отличие от конфликтных ситуаций в «гражданском» коллективе в обществе, конфликты в воинских коллективах исходят из определенной замкнутости военно-профессиональных отношений. Данные отношения основываются на принципе единоначалия и жесткой иерархии, соответственно переживаются они гораздо острее, а их последствия могут оказаться более серьезными и разрушительными. Зачастую, взаимоотношения между военнослужащими в одном воинском коллективе, отличаются более тесным взаимодействием, чем обычно в обществе. Военнослужащие, проходящие военную службу в одном коллективе, постоянно взаимодействуют друг с другом не только в ходе подготовки и обучения, но и при совместном участии в других мероприятиях повседневной жизнедеятельности. В процессе постоянного взаимодействия членов воинского коллектива между ними могут возникать различные противоречия, где конфликт может выступить крайней формой их разрешения [5].

Понятия «конфликт», «управление конфликтами» изучались различными учеными (О.А. Анашкин, А.Я. Анцупов, В.И. Ивашкин, Р.И. Мокшанцев, И.Ю. Устинов, А.И. Шипилов и др.).

Структуру конфликта можно аргументировать характером конфликтной ситуации, объектом конфликта, действиями участников конфликта, условиями протекания конфликта и другими компонентами [6].

Причины, из-за которых возникают конфликты в коллективах, разобраны в работах многих отечественных исследователей (О.А. Анашкин, А.Я. Анцупов, В.И. Ивашкин, А.С. Калюжный, Р.И. Мокшанцев, А.И. Шипилов, О.В. Щербакова и др.). Проведя анализ, можно сделать вывод, что конфликты в военной среде имеют свою особенность в отличие от конфликтов в обществе, и порядок их разрешения или управления ими руководителями подразделений в значительной мере отличаются.

В различных трудах нередко обращалось внимание, что в отличие от руководителя «гражданского» коллектива, офицер обязан владеть компетенциями в управленческой, воспитательной, педагогической, хозяйственной и других видах деятельности [7].

В большинстве случаев, конфликты в воинских коллективах возникают по целому ряду причин, среди которых исследователи выделяют объективные и субъективные [5, 6].

Среди основных объективных причин можно выделить следующие: недостаточное материальное обеспечение; отсутствие социальной справедливости, проблемы при адаптации молодых офицеров; динамика и сложность военной службы; принцип взаимоотношений между военнослужащими, построенный на иерархии, единоначалии, строгом соблюдении воинской дисциплины и др.

Среди субъективных причин исследователи выделяют в основном причины управленческого и психологического характера [8, 9, 10].

Изучив представленные причины возникновения конфликтов в воинских коллективах, был сделан вывод, что каждый офицер должен обладать не просто командирскими (управленческими) компетенциями, но и быть всесторонне развитым по различным направлениям деятельности, в том числе и в вопросах воспитательной направленности.

В ходе обучения в военных институтах будущие офицеры, которые станут командирами подразделений, изучают понятие, сущность, особенности и причины возникновения конфликтов в воинских коллективах, способы разрешения и их

возможные последствия. Но, как показывает анализ, немалое количество молодых офицеров в первые годы своей военно-профессиональной деятельности в войсках сталкиваются с серьезными затруднениями при проведении управленческой и воспитательной работы с подчиненными военнослужащими. Данные сложности возникают, в том числе, из-за недостаточных знаний в области конфликтологии, слабых практических навыков в работе с военнослужащими различных категорий.

Подводя итог рассмотренных концептуальных сторон и отдельных теоретических аспектов подготовки офицеров, а также, проведя анализ поступающих из войск отзывов на молодых офицеров, аналитических материалов и исследований в данной области, было сделано несколько важных выводов [10]. Предварительные результаты анализа проблемных аспектов военно-профессиональной деятельности офицеров ВНГ РФ были разделены на компоненты (составляющие) их деятельности, а именно воспитательная, управленческая и педагогическая.

Рассмотрев приведенные суждения и выводы, становится очевидно, что данные обстоятельства значительно влияют на морально-психологический климат в воинском коллективе, в воинской части и в целом в ВНГ РФ, следовательно на состояние боевой готовности и способность войск выполнять задачи по своему предназначению.

В связи с этим, можно сделать вывод, что, даже сформировав определенные компетенции у будущих офицеров, необходимо обратить внимание на формирование у них готовности к работе с подчиненными военнослужащими, готовности к управлению конфликтами.

В целях оказания помощи участникам учебного процесса военных институтов, командирам подразделений и воинских частей, офицерам органов военно-политической работы в подготовке офицеров к военно-профессиональной деятельности в войсках в сфере воспитательной работы

было проведено немало исследований [5, 7, 9]. Результатами исследований стали разработанные модели по подготовке будущих офицеров к конфликтам в воинских коллективах. Опираясь на данные работы, были определены отдельные компоненты (критерии) готовности будущих командиров к управлению конфликтами в своих подразделениях, а именно: мотивационный, когнитивный, операциональный, деятельностный, организационный, личностный.

Примененные в исследованиях методики и диагностические материалы позволяют проанализировать уровень сформированности компонентов готовности будущих офицеров к управлению конфликтами в воинских подразделениях, а также при необходимости принять корректирующие меры и внести изменения в учебную деятельность будущих офицеров.

Проведя анализ деятельности молодых офицеров, становится ясно, что одним из пробелов являются недостатки в военно-политической и воспитательной работе с подчиненными, что является следствием недостаточных знаний и умений, в том числе и по конфликтологии. Данный фактор негативно отражается на поддержании воинской дисциплины, морально-психологическом климате в воинском коллективе и, как итог, на готовности войск действовать по своему предназначению.

Подводя итог, можно сделать вывод, что конфликт в военно-профессиональной сфере выступает в виде сложного и противоречивого явления, суть которого требует дальнейшего изучения и анализа, исследования различных моделей предотвращения конфликтов в военной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.

2. Путин, В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Президент России: сайт. 2020. URL: https:// kremlin.ru/events/president/news/63527 (дата обращения: 19.07.2026).
3. Кривицкий, А.Ю. Традиции русского офицерства. – Москва : Воениздат, 1945. -С. 129.
4. Давыдов, Д.Г. Особенности взаимоотношений в воинском коллективе // Ориентир, 2007. – № 9. – С. 35-39.
5. Калюжный, А.С. Конфликты в коллективах военнослужащих: учебное пособие. – Н.Новгород: НГТУ, 2004. – 33 с.
6. Анцупов, А. Я. Конфликтология : учеб. Для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. — 5-е изд. – СПб. : Питер, 2014.
7. Сиразетдинов, М. Р. Модель формирования готовности будущих офицеров к управлению конфликтами в подразделениях войск национальной гвардии РФ / М. Р. Сиразетдинов // Современные проблемы науки и образования. – 2023. – № 4. – С. 32. – DOI 10.17513/spno.32789. – EDN POXPSR.
8. Анашкин, О.А., Лебедев, О.А. Конфликты в воинских коллективах // Ориентир. -2004. – № 5. – С. 48-51.
9. Устинов, И.Ю. Формирование конфликтологической готовности военных специалистов / И.Ю. Устинов. Воронеж : ВАИУ, 2009. 179 с.
10. Сиразетдинов, М. Р. К некоторым проблемным аспектам подготовки будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации / М. Р. Сиразетдинов // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2026. – № 1(22). – С. 50-57. – EDN UFRQUZ.

УДК 37

СОВМЕСТНОЕ ЧТЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ КАК ФАКТОР ОБОГАЩЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЧУВСТВЕННОГО ОПЫТА РЕБЕНКА

Чуприна А.А.

JOINT READING OF PARENTS AND CHILDREN AS A FACTOR OF ENRICHING THE CHILD'S EMOTIONAL AND SENSORY EXPERIENCE

Chuprina A.A.

Аннотация. В работе актуализируется проблема совместного чтения родителей и детей как фактора обогащения эмоционально-чувственного опыта ребенка дошкольного возраста. Внимание автора акцентируется на значимости книги в жизни ребенка как необходимого средства эмоционального и интеллектуального развития личности дошкольника. Совместное чтение родителей и детей рассматривается как «со-бытие» родителей и ребенка, в процессе которого расширяется кругозор ребенка, обогащается эмоционально-чувственный опыт личности дошкольника, укрепляются внутрисемейные связи и отношения. С опорой на классические теории отечественных ученых Л.С. Выготского, А.В., Запорожца, С.Л. Рубинштейна рассматривается взаимообусловленность эмоциональной и интеллектуальной сфер развития ребенка средствами совместного чтения на уровне семейного коллектива. Проблема рассматривается в интеграции общенаучных и педагогических методов исследования (диалектический метод; сопоставление; сравнение; анализ; обобщение), а также методов комплексности и релятивности.

Abstract. This paper addresses the issue of shared reading between parents and children as a factor in enriching the emotional and sensory experience of the preschool-aged child. The author emphasizes the significance of books in a child's life as an essential means for the emotional and intellectual development of the preschooler's personality. Shared reading is viewed as a form of «shared being» (or «co-existence») between parents and child—a process that broadens the child's horizons, enriches their emotional and sensory experience, and strengthens family bonds and relationships. Drawing on the classical theories of Russian scholars L.S. Vygotsky, A.V. Zaporozhets, and S.L. Rubinstein, the study examines the interdependence of the emotional and intellectual spheres of child development fostered by shared reading within the family unit. The topic is explored through an integration of general scientific and pedagogical research methods (dialectical method, juxtaposition, comparison, analysis, and generalization), as well as the principles of comprehensiveness and relativity.

Ключевые слова: книга; ребенок; родители; совместное чтение; эмоции; чувства; эмоционально-чувственные опыт; впечатления.

Keywords: book; child; parents; shared reading; emotions; feelings; emotional and sensory experience; impressions.

Воспитание личности начинается с эмоций и впечатлений, полученных и пережитых ребенком в раннем и дошкольном детстве. Психологи в качестве основных эмоций человека, без которых жизнь не может протекать полноценно и интересно, выделяют эмоции радости и интереса. И это не случайно: радость дает выброс положительной энергии, что является одним из действенных факторов развития и здоровья человека; а интерес направляет развитие интеллекта к содержательно-предметной деятельности человека, обусловливая качественное наполнение его жизни и развития на всех последующих этапах.

Откуда же ребенку в раннем и дошкольном детстве черпать положительные эмоции, на основе которых только и может происходить содержательное обогащение внутреннего мира личности и формирование его эмоционально-чувственного опыта? Какое значение в этом играет совместное чтение родителей и детей и как желательно его правильно организовывать в условиях семейного коллектива?

Поиск ответов на эти вопросы и определяет цель настоящей работы.

В качестве методов исследования послужили фундаментальные методы диалектического подхода к рассмотрению проблемы, анализ, сравнение, сопоставление, обобщение, а также методы комплексности и релятивности.

Эмоционально-чувственный опыт начинает накапливаться с раннего детства, когда ребенок реагирует на все окружающие его предметы и явления. Особенно активно происходит его накопление в процессе взаимодействия со взрослым.

Проблему эмоционально-чувственного развития личности ребенка подробно разрабатывали многие отечественные ученые. Так, Л.С. Выготский отмечал эмоции центральным звеном психической жизни человека, а эмоциональное развитие ребенка – важным направлением работы педагога. Это позволило выделить два уровня развития детей: уровень актуального развития и зону ближайшего развития [3]. А.В. Запорожец и Я.З. Неверович выделяют закономерности развития социальных эмоций в их зависимости от содержания и структуры детской деятельности, рассматривая эмоциональное предвосхищение как важное новообразование эмоциональной сферы дошкольника [4]. С.Л. Рубинштейн, обосновывая обусловленность эмоций отношением человека к окружающей среде, выделяет уровни эмоционального реагирования в онтогенезе [6].

Что касается особенностей эмоционально-чувственного развития дошкольника, то в этом направлении продолжаются исследования, которые анализируют новые аспекты данной проблемы, включая эмоциональный интеллект и особенности его

формирования в разные возрастные периоды, а также формирование навыков управления эмоциями в поведении и общении [6]. На ранних этапах развития ребенка значение эмоционального сопровождения и получения им положительных эмоций выражается в том, что эмоциональные впечатления способствуют развитию познавательной и социально-личностной сфер. Но с возрастом эмоции начинают играть ведомую роль, то есть интеллект задаёт развитие эмоций и происходит, по словам Л.С. Выготского, «синтез интеллектуального и эмоционального процесса» [3]. Поэтому очень важно сначала развивать и обогащать эмоциональный и чувственный опыт ребенка, чтобы потом этот опыт способствовать развитию познавательных процессов и интеллектуальной сфере личности дошкольника в целом.

Действенным фактором обогащения эмоционально-чувственного опыта ребенка дошкольного возраста является совместное чтение родителей и детей, в процессе которого ребенок не только получает представления об окружающем мире, природе, отношениях, но и проживает содержание прочитанного, воспринимаемого сюжета литературного произведения, испытывая при этом разные эмоции и чувства. В этом процессе можно выделить такую закономерность: первоначально эмоции развиваются в сознании, которое необходимо наполнять познавательным содержанием и впечатлениями; а на последующих этапах развития эмоциональное развитие следует за интеллектуальным. Развитие аффективной сферы подчиняется той же логике, что и развитие психических функций. Л.С. Выготский по этому поводу утверждал: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрывает себе дорогу к объяснению причин самого мышления» [3]. Это положение имеет первостепенное значение для понимания ценности разнообразия испытываемых эмоций (в дошкольном детстве предпочтительно – положительных) и формирования на их основе всего многообразия чувственного опыта.

Совместное чтение родителей и детей – процесс не только увлекательный для ребенка, но и жизненно необходимый, поскольку представляет собой деятельностное поле взаимодействия ребенка и родителя через призму содержания произведения [8]. Главный смысл совместного чтения родителей и детей заключается в том, чтобы стать проводником в мир книги, делиться своим отношением к поступкам героев, впечатлением о произведении, вовлекать ребенка в диалог. Можно сказать, что это своеобразный взгляд на сюжет книги изнутри. Такой метод находит глубокое теоретическое обоснование у М. Аромштам, которая в своей работе «Читающий ребенок» доказывает, что главная задача – не научить читать, а «заразить жаждой чтения». И ключ к этому – чтение вслух родителей детям [1]. Совместное чтение – это способ совместного бытия (со-бытия), способ встречи с книгой и друг с другом. В эти минуты книга сближает ребенка и родителей, становясь источником живого общения, доверия и совместных открытий.

Почему так важен для ребенка дошкольного возраста опыт эмоционально-чувственного восприятия? И в чем заключается ценность совместного чтения родителей и детей? Для ответа на эти вопросы обратимся к психолого-педагогическим аспектам, объясняющим взаимообусловленность совместного чтения и обогащения эмоционально-чувственного опыта ребенка дошкольного возраста.

Как известно, все впечатления о мире и обо всем происходящем, а также их оценку или анализ ребенок получает первоначально от родителей, потому что родители обладают непререкаемым и абсолютным авторитетом для ребенка дошкольного возраста. Психологи выделяют две важнейших эмоции в жизни человека, на основе которых происходит его развитие и формирование личности: это эмоции радости и интереса. Значение их действительно велико, особенно для ребенка дошкольного возраста. Радость как эмоция необходима ребенку как основа жизнедеятельности, но вместе с тем, получение этой эмоции происходит от интереса к предметной деятельности и получению опыта этой деятельности, к совместному чтению, в частности. Как правило,

ребенок воспринимает совместное чтение как интереснейшее и увлекательное занятие, что обусловлено самим фактом знакомства с книгой и ее содержанием. Если этот вид деятельности становится семейной традицией, то у ребенка формируется каждый раз чувство предвосхищения интересной деятельности и на основе этого чувства он испытывает радость. Чувство предвосхищения – это фундаментальность чувственного разума ребенка, которая претерпевает большое количество закономерных изменений на этапе дошкольного детства. Конечно, в процессе совместного чтения важно все: выразительность чтения взрослым; его настроение; готовность и желание высказывать свое мнение, тем самым побуждать ребенка к размышлению и анализу; наличие временного фактора и комфортность окружающей обстановки [2, 7].

В эмоциональном развитии детей, по мнению К. Изарда и Д. Гельмана, выделяют три аспекта: осознанность; выражение; регуляция эмоционального состояния [9]. Исходя из принципов системно-деятельностного подхода, уровень и разнообразие чувственного опыта происходит постепенно, по возрастающей с учетом новообразований возраста в каждый год жизни. Данное обстоятельство позволяет воспринимать оригинальность становления впечатлений как процесс поочередного натурального и активного появления и функционирования свежих (новых для ребенка) образов, значимых на данном возрастном этапе развития его личности. Это позволяет заключить, что совместное чтение можно рассматривать в качестве действенного фактора обогащения эмоционально-чувственного опыта ребенка.

С возрастом место эмоций в общих структурах поведения личности ребенка меняется. Появляются новые формы их выражения и оттенки чувств, которые ребенок пытается осознавать и правильно их регулировать, а в общении находить и способы их выражения. Форма эмоции определяется спецификой сигнала раздражителя, вызывающего эмоциональное действие [6; 8]. Поскольку эмоциональный процесс относится к психическим процессам, протекающим в виде переживаний и отражающим личную значимость оценки внешней ситуации для ребенка, то совместное чтение предоставляет широкие возможности для обогащения эмоций и чувств, расширяя гамму их переживания и вместе с тем помогая ребенку осваивать культурные способы их выражения. Эмоция является особой формой взаимодействия с явлениями и предметами реальной жизни, отражая такие особенности этого процесса, как отражение, переживания, отношения [3, 4]. Спецификой эмоционально-чувственного опыта является переживание события и отношений. С.Л. Рубинштейн это объяснял так: «чувства выражены в виде переживания отношений субъекта к миру, к познанию и деланию» [6]. По мнению Л.М. Веккер эмоции являются непосредственным отражением человека в реальности, специфика же их заключается в двухкомпонентности, то есть, эмоции содержат и когнитивные и объективные элементы [2].

Совместное чтение – это не просто передача ребенку информации, содержащейся в книге. Прежде всего, это совместное проживание событий произведения, это Со-Бытие ребенка и взрослого, это, своего рода, сопричастность к событиям литературного произведения, это всегда переживания и проживание содержания произведения. На основе этого проживания формируются впечатления ребенка, которые и составляют его эмоционально-чувственный опыт. Дошкольное детство – важный период в жизни ребенка, который необходимо наполнить как можно более интересным содержанием, причем, таким содержанием, которое бы проникало в душу ребенка, тем самым обогащая его эмоционально-чувственный опыт, показывая разные стороны жизни и поступков героев, помогая понимать мотивы и скрытые смыслы, представленные в произведении. Как показывает история развития педагогической науки, совместное чтение родителей и детей было не просто приятным досугом, но и мощным способом воспитания, образования и социализации ребенка. Традицию семейного чтения следует рассматривать как прочную ступень в развитии личностного и общественного в человеке [5, 8]. В совместном чтении привлекает возможность эмоционального и

интеллектуального общения, стремление ощутить единение, душевное и духовное родство; оно осмысливается его участниками как со-бытийное явление, способствующее выстраиванию и упрочению семейных связей и отношений.

Целостность чувства, которое является эмоциональным явлением, всегда представляет собой единство двух моментов: с одной стороны некоторого отражаемого содержания, а с другой – собственно эмоциональные переживания, то есть, той специфической окраски, с которой данное содержание отражается субъектом [3]. При совместном чтении всегда есть место и возможность эмоционального и интеллектуального общения, более того, каждая новая книга, прочитанная совместно с ребенком, является ступенькой в развитии личностного и общественного в ребенке, предпосылкой развития его эмоционального интеллекта.

Достижение целевых ориентиров к завершению дошкольного детства предусматривает обогащение эмоционально-чувственного опыта ребенка. Откуда ребенку черпать содержание этого опыта, как не из произведений детской литературы при совместном чтении родителей и детей, в процессе которого можно испытать самые разнообразные чувства и эмоции, погрузиться в сюжет произведения? В ответ на этот вопрос хотелось бы обратиться к результатам научных исследований отечественных ученых психолого-педагогической науки А.В. Запорожца, С.Л. Рубинштейна, Я.З. Неверович, которые доказали, что эмоции развиваются в процессе чувственного проживания и накопления опыта ребенком и становятся социальными, выступая одним из механизмов социализации личности ребенка в дальнейшем [4, 6]. На протяжении дошкольного детства эмоционально-чувственная сфера проходит путь прогрессивного развития, приобретая все более насыщенное содержание и более разнообразные формы их выражения под влиянием социальных условий жизни и воспитания.

Приходится признать как факт, что в современном мире недооценивается роль книги, чтения родителей детям дошкольного возраста произведений литературы, что существенно отражается не только на недостаточно положительном эмоционально-чувственном опыте ребенка, но и на всей совокупности детско-родительских отношений в формировании личности ребенка в целом. В связи с чем, представляется важным обратить внимание на необходимость более активного просвещения родителей в этом вопросе. Не следует упускать из виду и такую сторону вопроса: при всем многообразии индивидуальных различий в эмоциональных проявлениях разных детей некоторые общие черты, характеризующие их возрастные особенности эмоциональной сферы, проявляются, преимущественно, в общей динамической стороне эмоциональных проявлений [2].

Дошкольникам свойственна относительно значительная эмоциональная возбудимость и слабая эмоциональная устойчивость. В этом отношении возможны индивидуальные различия, обусловленные особенностями темперамента. Но в основном ребенок дошкольного возраста легко приходит в возбуждение: малейший повод может вызывать проявление шумной радости или огорчения. Чувства так же быстро гаснут, как и возникают. Значительная эмоциональная возбудимость дошкольника отражается как на восприятии источника информации, так и на развитии всех психических процессов [6]. Эмоции играют важнейшую роль в формировании чувственного опыта, что объясняется их непосредственной связью со всеми психическими процессами. Важный аспект, на который необходимо обращать пристальное внимание в развитии ребенка дошкольного возраста – это то, как реагируют родители на те, или иные ситуации, какие способы восприятия они демонстрируют ребенку, и то, какие чувства эти способы реагирования формирует у него в дальнейшем. Безусловно, обогащать эмоционально-чувственный опыт ребенка можно не только в процессе совместного чтения родителей и детей. Этому могут служить все виды деятельности и области творчества. Но преимущество совместного чтения в формировании эмоционально-чувственного опыта ребенка заключается в том, что в ходе чтения вырабатывается привычка реального

общения родителей и детей через книгу, обмен впечатлениями и мнениями участников чтения, начала нравственных понятий и отношений, без которых не может быть никакого опыта, не говоря уже о его обогащении. На основе эмоций формируются чувства, как более устойчивые и осознаваемые личностью эмоциональные состояния.

Таким образом, совместное чтение родителей и детей является действенным фактором обогащения эмоционально-чувственного опыта ребенка дошкольного возраста. Если совместное чтение становится семейной традицией, то для ребенка – это не только приятное времяпрепровождения, но и первый опыт общения, своего рода психологическая лаборатория и духовная академия. Это тот эмоционально-чувственный опыт, который формирует внутренний мир личности, дает не только знания, но и возделывает душу, способствуя сближению и более глубинному пониманию родителей и детей через книгу. С возрастом повышается внешняя активность дошкольника, и дальнейшее развитие определяется эмоционально-чувственными переживаниями. Развитие психических процессов способствует повышению возможностей к саморегуляции эмоциональных состояний; накоплению вербальных и невербальных способов общения; выражению впечатлений на основе обогащения чувственного опыта и словарного запаса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аромштан М. Читающий ребенок / М. Аромштан. – М.: Росмэн, 2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.yandex.ru/books/y6csDwse?ysclid (дата обращения: 17.09.2026).
2. Веккер Л.М. Психические процессы. В 3-х томах. Том 3. Субъект. Переживание. Действие. Сознание / Л.М. Веккер. – Ленинград, 1981. 329 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://djvu.online/file/LlClMxkSGuBYY?ysclid (дата обращения: 15.09.2026).
3. Выготский Л.С. Воображение и действительность. В кн.: Психология развития ребенка / Л.С. Выготский. – М.: Эксмо, 2005. 512 с. С.241-252. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1779275321&tld=ru& (дата обращения: 17.09.2026).
4. Запорожец А.В. Эмоциональное развитие дошкольников: пособие для воспитателей детского сада / А.В. Запорожец, Я.З. Неверович, А.Д. Кошелева, Л.П. Стрелкова, Л.А. Абрамян. – Под ред. А.Д. Кошелевой. – М.: Просвещение, 1985. – 176 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/wall-135142459_85011 (дата обращения: 12.09.2026).
5. Лаптева Ю.А. Динамика показателей мотивационной сферы и произвольности действий в период дошкольного детства // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2023. – № 4(75). – С. 81-87.
6. Рубинштейн С.Л. Развитие эмоций у детей / С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. Глава XIII [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bookap.info/clasik/rubinshteyn/gl114.shtm (дата обращения: 15.09.2026).
7. Савкина М.А. Семейное чтение сближает поколения: методические материалы в помощь библиотекарям по организации работы по семейному чтению. Карталы. 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1779180721&tld (дата обращения: 17.08.2026).
8. Совместное чтение как семейная традиция / Всероссийский портал «Растимдетей.рф.» Навигатор для современных родителей / Режим доступа: https://растимдетей.рф/articles/sovmestnoe-chtenie-kak-semeynaya-tradiciya. (дата обращения: 20.08.2026).
9. Теория развития эмоций К. Изарда. Связь эмоций, тела и физиологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.b17.ru/article/424208/?ysclid=mpidnxzo4s988577820 (дата обращения 23.08.2026).

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 31

НУЖНЫ ЛИ РОССИИ МАЛЫЕ ГОРОДА?

Аргунова В.Н., Нурутдинова А.Н., Егорычева М.А.

DOES RUSSIA NEED SMALL TOWNS?

Argunova V.N., Nurutdinova A.N., Egorycheva M.A.

Аннотация. Обсуждается проблема восстановления социальных и хозяйственных функций малых городов России. Отток населения и сокращение численности рассматриваются как показатели социального неблагополучия этих поселения. В подавляющем большинстве малых городов страны трудоспособное население мигрирует в областной центр или мегаполисы. Приводятся примеры положительной демографической динамики в ряде малых городов, обусловленные перспективной экономической стратегией развития. Делается вывод о необходимости разработки федеральной программы сохранения малых городов.

Abstract. The problem of restoring the social and economic functions of small Russian towns is discussed. Population outflow and population decline are considered indicators of social distress in these communities. In the vast majority of small towns across the country, the working-age population migrates to regional centers or metropolitan areas. Examples of positive demographic trends in a number of small towns, driven by a promising economic development strategy, are cited. A conclusion is reached regarding the need to develop a federal program for the preservation of small towns.

Ключевые слова: Россия, малые города, миграция, устойчивое развитие, численность населения, город, проблемы малых городов.

Keywords: Russia, small towns, migration, sustainable development, population size, city, problems of small towns.

Проблема. Малые города России исторически возникали и функционировали, прежде всего, как центры экономической деятельности. Нарастающая в настоящее время тенденция сокращения численности этих городов и изменения их функций, нарушает устойчивое развитие региона (субъекта РФ), в который они входят, а также страны в целом. Наибольшее число малых городов находятся в Центральном (226), Северо-Западном (123) и Приволжском (130) федеральных округах. Поэтому в целях достижения устойчивого развития, необходимо не просто сохранение малых городов как типов поселения, а восстановление их хозяйственных функций.

Обсуждение и результаты. Малыми городами принято считать города с численностью населения до 50 тысяч [11]. Они выполняют особую роль в социально-экономической структуре региона и страны: являются связующим звеном между крупными городскими центрами и сельской местностью, стали центром притяжения, администрирования, социальной инфраструктуры, размещения отраслевых и территориальных производственных предприятий, местом функционирования локальных сообществ. В России насчитывается более 800 малых городов [9]. Многие малые города возникли в советский период, связаны, главным образом, с разработкой полезных ископаемых, строительством крупных магистралей и железных дорог. Главными препятствиями в развития малых городов в настоящее время являются: демографический спад, недостаток квалифицированных кадров, отсталая инфраструктура.

Обеспокоенность состоянием малых городов привела к разработке правительством РФ в 2021 году Стратегии «Агрессивное развитие инфраструктуры», рассчитанной до 2030 года [4]. Согласно плану, в России будут строить 41 агломерацию, в которых должно проживать 60 млн чел, в 15-ти из них темпы роста будут выше средних по стране [1]. Предполагается, что такое территориальное распределение поможет преодолеть разницу в развитии регионов. Хотя, на наш взгляд, именно такой подход может привести к еще большему разрыву между крупными мегаполисами и сельской местностью, к нарастанию проблем функционирования малых городов.

Для обобщения проблем развития малых городов исследователи используют системный подход, рассматривая город в единстве нескольких подсистемных элементов: градообслуживающая подсистема (отрасли нематериального производства), градообразующая подсистема (материальное производство), финансово-экономическая подсистема, социальная подсистема (социально-демографическая и профессионально-квалифицированная структура населения), управленческая подсистема [5]. Данные подсистемы взаимосвязаны между собой. В каждой из этих сфер отечественные исследователи выделяют ряд проблем, наиболее полная систематизация которых представлена в работе С.А. Евсеевой [5]. Так, в градообразующей сфере малых городов одной из основных проблем стало состояние экономического потенциала. Значительная утрата человеческого и социального потенциала малых городов связана с монопрофильностью экономики, технологической отсталостью многих градообразующих предприятий, их низкой инвестиционной привлекательностью. В социальной подсистеме наблюдается деформация половозрастной структуры: увеличение доли старшего поколения и уменьшение людей трудоспособного возраста, а также проблема сохранения численности постоянного населения, вызванные миграцией молодого и трудоспособного населения, безработицей, узкой специализацией рынка труда, низкими доходами. Среди проблем градообслуживающей подсистемы стоит выделить: отсутствие вузов, низкая обеспеченность медицинскими специалистами, низкий уровень услуг социальной сферы и др. [5].

Отечественные авторы выделяют разные критерии классификации малых городов в зависимости от выбранного критерия. Например, по характеристике социально-экономической ситуации выделяют депрессивные, кризисные, отсталые, оптимизирующиеся, стабильные, развивающиеся города. По специализации экономики: аграрные и лесопромышленные, добывающие, индустриальные, транспортные, туристические, социальные, диверсифицированные. По выполняемым функциям: город-центр сельских территорий, город-спутник, моногород, город – научный центр (наукоград), город – рекреационный центр (город-курорт), исторический город [17].

В подавляющем большинстве малых городов России наблюдается сокращение численности населения как за счет естественной убыли населения, а также из-за миграции [2]. Исследователи считают показатели миграции одной из важнейших характеристик устойчивого социально-экономического развития городов и регионов. Нарастание тенденции переезда, особенно молодежи, в региональные центры или крупные агломерации является симптомом системного кризиса всей страны и дефицита возможностей для самореализации.

Преимущественный рост численности населения в средних и крупных городах приводит, как минимум, к двум серьезным последствиям: (1) возрастает нагрузка на транспортную, коммунальную и социальную инфраструктуру, что влечет за собой увеличение бюджетных расходов; (2) отток населения из малых городов усугубляет неравномерность в социально-экономическом развитии страны, сдерживает развитие территорий [8].

Что касается направлений внутристрановой миграции, то эксперты в настоящее время видят ее в виде вертикальной иерархии, состоящей из семи уровней. Наверху

находятся крупные мегаполисы, такие как Москва и Санкт-Петербург, а внизу совсем небольшие села и деревни.

Самые большие показатели оттока населения имеются в Саратовской, Омской, Нижегородской, Кемеровской областях [6]. Абсолютным «антилидером» по сокращению численности населения стала Республика Дагестан [3]. Большой отток населения имеет место в Мурманской и Архангельской областях, а также в Республике Коми [16].

Жители малых городов часто переезжают в средние города или региональные центры, т.к. жизнь в мегаполисе оказывается им «не по карману» [12]. Внутрирегиональная миграция преобладает в Уральском ФО (60%), Дальневосточном (55%), Сибирском (50%). За пределы своих регионов чаще всего уезжает население из регионов Приволжского ФО (55%), Северо-Западного ФО (55%), Южного ФО (53%), Северо-Кавказского ФО (50%). Из России больше всего уезжают жители Северо-Западного, Северо-Кавказского и Южного ФО (примерно по 10%). В остальных федеральных округах внешняя миграция составляет менее 10% [8].

Исследование РАНХиГС выявило конкретные города, где процесс депопуляции идет наиболее быстрыми темпами: Верхний Тагил (Свердловская область), Трубчевск (Брянская область), Инта (Республика Коми), Кемь и Медвежьегорск (Республика Карелия), Торжок (Тверская область), Рошаль (Московская область), Оха (Сахалинская область) [15].

Все исследования по теме сокращения численности малых городов в числе причин, по которым люди, особенно молодежь, покидают родные места, называют следующие: (1) отсутствие работы и жизненных перспектив; (2) низкое качество жизни (состояние дорог, доступность и качество медицинской помощи, однообразный досуг, отсутствие общественных пространств для социальной коммуникации); (3) невозможность удовлетворить образовательные потребности. В северных регионах еще добавляются тяжелые природные условия, удаленность от центра, высокая стоимость жизни [7, 10, 19].

В то же время есть малые города с положительной демографической динамикой. В первой группе (5%) – численность населения не снижается за счет миграционного притока. Во второй группе (8%) имеется прирост численности населения за счет более высокой рождаемости, чем по стране и притока мигрантов [8]. В число этих городов входят: (1) города-спутники крупных агломераций. Например, Звенигород, Апрелевка, Нахабино (пгт) в Московской области; Арамиль в Екатеринбургской агломерации; Обь в Новосибирской агломерации, Сосновоборск в Красноярской агломерации.[14] (2) «Опорные города» для окружающих территорий. К ним относятся Малоярославец (Калужская область), Богучар (Воронежская область), Усолье (Пермский край), Свирск (Иркутская область). (3) Регионы с традиционно высоким естественным приростом, в частности республики Северного Кавказа.[13]

Следует отметить, что будущее малых городов во многом зависит от правильно выбранной стратегии развития: кто-то делает ставку на туризм и историю, кто-то — на промышленность и инновации, а кто-то эффективно использует федеральные гранты для создания комфортной среды. Так, например, малые города Калининградской области (Зеленоградск, Гусев, Черняховск, Светлый, Советск, Гвардейск) лидируют по комфорту окружающей среды. Суздаль (Владимирская область), Ростов Великий, Углич (Ярославская область) – развивают туризм. Подольск (Московская область) – крупный промышленный центр. Реализация крупных инвестиционных проектов, новые рабочие места. Пущино (Московская область) – высокая концентрация НИИ, наукоград. Эти и другие примеры показывают, что условия жизнеспособности малого города заключаются в возможности предоставить людям сферу трудовой занятости, комфортные условия для жизни и самореализации.

Преодоление кризиса в жизнедеятельности малых городов задача сложная. Это связано с экономической и политической зависимостью данных поселений от областного центра. Малый город зачастую не располагает компетентными управленцами в администрации и инициативными, самостоятельными людьми в представительных органах самоуправления, что препятствует самостоятельному поиску стратегий развития поселения. Помимо этого, малый город находится в дотационной зависимости от крупного города, который диктует свои правила игры. Дотационная зависимость проявляется в субсидировании малого города крупным, тем самым ограничивая бюджет малого и оставление его в долговой яме. Стремительно растущая коррупция еще больше усугубляет решение проблем малого города и вызывает недоверие к местным органам управления [18].

Выводы. Малые города России занимают важное место в пространственной организации страны, а также сохраняют значительный социально-экономический потенциал. Кризисное положение подавляющего числа этих городов требует продуманной, последовательной федеральной политики. При этом в каждом случае необходим свой подход, учитывающий специфику того или иного города.

Как показывает опыт, в число мер государственной поддержки входят: (1) создание особых экономических зон с льготными налоговыми и таможенными режимами; (2) разработка долгосрочных планов малых развития; (3) поддержка малого и среднего бизнеса; (4) стимулирование внешнеэкономических связей; (5) помощь региона в реализации продукции местных производителей [19, с. 99].

Развитие малых городов будет способствовать сокращению диспропорций в социально-экономическом развитии регионов России.

ЛИТЕРАТУРА

1. В правительстве планируют потратить на «агрессивное развитие инфраструктуры» около 22 трлн рублей за 9 лет // Forbes. 26 апреля 2021. URL: https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/427779-v-pravitelstve-planiruet-potratit-na-agressivnoe-razvitie-infrastruktury (Дата обращения: 21.04.2026).
2. Гурьянов С. Нужен ли свой герой: как остановить вымирание малых городов. Доклад ВЦИОМ подтвердил серьезный отток населения из небольших населенных пунктов по всей России // Известия. 01 декабря 2025. URL: https://iz.ru/2003104/sergei-gurianov/nuzhen-svoi-geroi-kak-ostanovit-vymiranie-malykh-gorodov (Дата обращения: 18.04.2026).
3. Из сел Дагестана уезжают в 10 раз больше, чем из городов // Новое дело. 06 мая 2024. URL: https://ndelo.ru/novosti/iz-sel-dagestana-uezzhayut-v-10-raz-bolshe-chem-iz-gorodov (Дата обращения: 18.04.2026).
4. Доклад «Концепция НОПРИЗ по развитию технического регулирования в сфере строительства и ЖКХ». Москва, 31 мая 2021. URL: https://storage.strategy24.ru/files/project/202106/7721906ae7843c33df04e9140e320c7d.pdf (Дата обращения: 23.04.2026).
5. Евсеева С.А. Развитие малых и средних городов: проблемы и инновационные пути решения // Управленческий учет. – 2023. – № 7. – С. 58-65.
6. Литвиненко П. Саратовская область вышла на первое место в России по миграционному оттоку и сокращению населения // Версия Саратов. 31 мая 2023. URL: https://nversia.ru/news/saratovskaya-oblast-vyshla-na-pervoe-mesto-v-rossii-po-migracionnomu-ottoku-i-sokraschenіyu-naseleniya/ (Дата обращения: 18.04.2026).
7. Любовный В.Я. Нужны ли России малые города // Управление развитием территории. 25 ноября 2013. URL: https://urtmag.ru/public/607/ (Дата обращения: 18.04.2026).
8. Максимова И.В., Симагин Ю.А. Демографическая ситуация в малых городских округах России // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. № 3. – С.7-9.

9. Малые города в региональном развитии Российской Федерации в постиндустриальный период // Росконгресс. 20 сентября 2024. URL: https://roscongress.ru/materials/malye-goroda-v-regionalnom-razvitii-rossiyskoy-federatsii-v-postindustrialnyy-period/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Дата обращения: 22.04.2026).
10. Мошникова Д. Сотни малых городов России могут исчезнуть из-за оттока населения — ВЦИОМ // Клопс. 01. Декабря 2025. URL: https://klops.ru/kaliningrad/2025-12-01/373154-sotni-malyh-gorodov-rossii-mogut-ischeznut-iz-za-ottoka-naseleniya-vtsiom (Дата обращения: 18.04.2026).
11. Мурин Д.В. Понятие малых городов и их классификация // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 5 (23). – С. 570-575.
12. От мала до велика: эксперты рассказали, как происходит миграция внутри России // Московский комсомолец. 06 мая 2024. URL: https://www.mk.ru/social/2024/05/06/ot-mala-do-velika-eksperty-rasskazali-kak-proiskhodit-migraciya-vnutri-rossii.html (Дата обращения: 19.04.2026).
13. Пузанов А. Остановить побег // РИА Новости Недвижимость. 14 октября 2025. URL: https://www.urbaneconomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/s-puzanov-o-budushchem-malyh-gorodov-rossii-v-avtorskoy-kolonke (Дата обращения: 19.04.2026).
14. Пузанов А. Остановить побег: есть ли будущее у малых городов в России // РИА Новости Недвижимость. 13 октября 2025. URL: https://realty.ria.ru/20251013/goroda-2047263430.html?rcmd_alg=COL9&rcmd_id=2048213788 (Дата обращения: 19.04.2026).
15. РАНХиГС допустил исчезновение почти 130 малых городов в России // Коммерсантъ. 05 августа 2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7941571 (Дата обращения: 20.04.2026).
16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12. 2024 г. №4146-р. URL: http://government.ru/docs/all/157308/ (Дата обращения: 20.04.2026).
17. Секушина И.А. Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2019. – № 2. – С. 84-93.
18. Смирнов О. О., Безвербный В. А. Потенциал развития секторов экономики малых городов России: современные тенденции // Социум и власть. – 2022. – №1 (91). – С. 65-66.
19. Цепилова Е.С., Беляева О.И. Малые города как объекты региональной политики в контексте бюджетного федерализма // Экономика. Налоги. Право. – 2025. – Т.18. – №5. – С.92-101
20. Ячменникова П. Мал городок, да дорог // Институт экономики роста им. Столыпина П.А. 21 февраля 24. URL: https://stolypin.institute/publications/novosti/mal-gorodok-da-dorog (Дата обращения: 20.04.2026).

УДК 31

НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ И ПРЕКАРИЗАЦИЯ

Крутелёв Н.Д.

NEW FORMS OF EMPLOYMENT AS A FACTOR OF SOCIAL STRATIFICATION OF RUSSIAN SOCIETY: DIGITAL DIVIDE AND PRECARIZATION

Krutelyov N.D.

Аннотация. В статье анализируется воздействие новых форм занятости (платформенной занятости, самозанятости, удаленной работы) на социальную стратификацию российского общества. На основе данных Росстата [7], исследований НИУ ВШЭ и Data Insight рассматриваются масштабы распространения нестандартных форм занятости, их социально-демографический профиль и риски прекаризации. Особое

внимание уделяется феномену цифрового разрыва как механизму воспроизводства социального неравенства в условиях цифровой трансформации рынка труда. Показано, что новые формы занятости не являются нейтральным инструментом, а выступают фактором поляризации социальной структуры, формируя как сегмент относительно благополучных фрилансеров, так и растущую группу цифрового прекариата, лишенного социальных гарантий. Делается вывод о необходимости институциональной адаптации системы социальной защиты к новым реалиям занятости.

Abstract. The article analyzes the impact of new forms of employment (platform employment, self-employment, remote work) on the social stratification of Russian society. Based on data from Rosstat [7], HSE University studies and Data Insight, the article examines the scale of non-standard forms of employment, their socio-demographic profile and risks of precarization. Special attention is paid to the phenomenon of the digital divide as a mechanism for reproducing social inequality in the context of digital transformation of the labor market. It is shown that new forms of employment are not a neutral tool, but act as a factor of polarization of the social structure, forming both a segment of relatively prosperous freelancers and a growing group of the digital precariat deprived of social guarantees. The conclusion is made about the need for institutional adaptation of the social protection system to the new realities of employment.

Ключевые слова: новые формы занятости, платформенная занятость, социальная стратификация, цифровой разрыв, прекаризация, самозанятость, социальное неравенство.

Keywords: new forms of employment, platform employment, social stratification, digital divide, precarization, self-employment, social inequality.

Цифровая трансформация экономики радикально изменяет ландшафт рынка труда. Традиционная модель стандартной занятости, предполагающая долгосрочные трудовые отношения с фиксированным рабочим местом и полным пакетом социальных гарантий, постепенно уступает место гибким, краткосрочным и децентрализованным формам организации труда. В России новые формы занятости – платформенная занятость, самозанятость, фриланс и удаленная работа – получили стремительное распространение в 2020-е годы. По данным Федеральной налоговой службы, в 2025 году число самозанятых в России выросло почти на 27%, превысив 15,4 млн человек, а по итогам 2026 года может достичь 18 млн [6]. Численность платформенных работников оценивается от 2 до 5 млн человек, или от 2% до 8% всех занятых [1].

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом распространение новых форм занятости влияет на социальную стратификацию российского общества. В фокусе внимания находятся два ключевых аспекта: во-первых, дифференциация новых форм занятости по уровню дохода и социальному статусу; во-вторых, феномен цифрового разрыва как механизма, воспроизводящего и углубляющего социальное неравенство в новых условиях.

Объем рынка платформенных решений (e2e+процессинг) в 2025 году оценивается примерно в 239 млрд руб., что эквивалентно ~360 тыс. FTE – объему труда, сопоставимому с занятостью 360 тысяч сотрудников на полной ставке. По сравнению с 2024 годом рынок вырос примерно на 40%. При этом суммарный потенциал платформенного найма временного персонала по всем отраслям достигает примерно 11,7 млн FTE или около 7,8 трлн руб. в год [3].

Структура платформенной занятости сильно поляризована. Она включает как работников с самой высокой квалификацией (фрилансеров – программистов, дизайнеров, копирайтеров), так и работников с низкой квалификацией (курьеры по доставке, водители такси). Исследования показывают, что подавляющее большинство платформенных работников (70-75%) заняты стационарно, и только 7-10% работают на

транспортных средствах или на улице без фиксированного места. При этом платформенная занятость чаще бывает неформальной, что косвенно свидетельствует о ее более низкой привлекательности для работников [1].

Портрет платформенного работника характеризуется преобладанием мужской рабочей силы, горожан, лиц с профессиональным образованием высшего и среднего специального уровня, средних возрастов [1].

Новые формы занятости не являются гомогенным феноменом. Они порождают серьезную дифференциацию внутри самого сегмента нестандартной занятости. С одной стороны, высококвалифицированные фрилансеры могут получать доходы, сопоставимые или даже превышающие доходы наемных работников в традиционном секторе. Исследования показывают, что при однокритериальном подходе доходы от платформенной занятости могут способствовать переходу ее участников в средний класс [1].

С другой стороны, значительная часть платформенных работников сталкивается с низкими доходами и отсутствием социальных гарантий. Более половины респондентов (52%) зарабатывают на платформах от 5 000 до 30 000 рублей в месяц, еще 35% – от 30 000 до 60 000 рублей. При этом ключевым фактором отказа от подработок является именно низкая оплата (34%) [2].

Анализ на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) за 2023 год подтверждает, что неформальная занятость устойчиво связана с более низким статусом по всем трем измерениям социальной стратификации: доходной иерархии, интегральному социальному статусу и самооценкам места в иерархии «бедные-богатые» [4].

Таким образом, новые формы занятости выступают фактором не столько сглаживания, сколько поляризации социальной структуры: на одном полюсе формируется относительно благополучный слой высококвалифицированных фрилансеров, на другом – растущий массив низкодоходных и социально незащищенных платформенных работников.

Ключевым механизмом, опосредующим связь между новыми формами занятости и социальным неравенством, выступает цифровой разрыв. Доступ к новым формам занятости требует не только наличия технических средств (компьютера, смартфона, стабильного интернета), но и определенного уровня цифровой грамотности. В 2025 году впервые за семь лет зафиксировано снижение индекса цифровой грамотности на 3 процентных пункта при критическом сокращении доли продвинутых пользователей с 32% до 21%. 87% россиян признают недостаток цифровых и ИИ-компетенций для профессиональной деятельности [5].

При этом только 70% территории России охвачено стабильным высокоскоростным интернетом, а 45% регионов испытывают критический дефицит IT-специалистов [5]. Это означает, что доступ к высокодоходным сегментам новых форм занятости (фриланс, удаленная работа в IT-сфере) остается привилегией жителей крупных городов и регионов с развитой цифровой инфраструктурой. Жители периферийных и сельских территорий оказываются либо полностью исключенными из этого сегмента, либо вынуждены довольствоваться его низкодоходными и низкоквалифицированными нишами.

Таким образом, цифровой разрыв не только отражает, но и воспроизводит, а в ряде аспектов и углубляет существующее социально-территориальное неравенство.

Одним из наиболее значимых социальных последствий распространения новых форм занятости является прекаризация – рост неустойчивой, негарантированной и социально незащищенной занятости. Платформенная занятость имеет риски прекаризации, поскольку у работников не определен статус их занятости, наблюдается слабая социальная защищенность. Отсутствие социальной защищенности выступает главным критерием рисков прекаризованной занятости [2].

Нестандартные формы занятости имеют как преимущества (более высокий уровень заработной платы для некоторых категорий, большую свободу в выборе границ рабочего времени), так и существенные недостатки (отсутствие механизма защиты трудовых прав и социальных гарантий, ненормированный график и переработки) [2].

В России правовое регулирование платформенной занятости находится в стадии активного формирования. До сих пор не принят Федеральный закон о платформенной занятости, что позволяет некоторым агрегаторам использовать режим самозанятости (налог на профессиональный доход) как «лазейку», уклоняясь от предоставления работникам социальных гарантий. Эта правовая неопределенность, наряду с алгоритмическим контролем и дисбалансом власти в пользу цифровых платформ, создает благоприятную почву для дальнейшей прекаризации труда [5].

Прекариат, формирующийся в сфере новых форм занятости, представляет собой новый класс в стратификации общества, характеризующийся отсутствием постоянной занятости и социальных гарантий. В обозримой перспективе основным источником пополнения прекариата станет дальнейшая цифровизация отраслей производства [2].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Новые формы занятости в России стремительно распространяются, охватывая миллионы работников. Однако их воздействие на социальную структуру общества является неоднозначным. С одной стороны, они создают новые возможности для получения дохода и профессиональной реализации, особенно для высококвалифицированных специалистов. С другой стороны, они порождают новые формы социального неравенства, связанные с цифровым разрывом, дифференциацией доходов внутри сегмента нестандартной занятости и прекаризацией труда.

Цифровой разрыв выступает ключевым механизмом, воспроизводящим и углубляющим социально-территориальное неравенство: доступ к наиболее выгодным сегментам новых форм занятости остается привилегией жителей крупных городов с развитой цифровой инфраструктурой и высоким уровнем цифровой грамотности.

Формирование цифрового прекариата – социальной группы, лишенной стабильной занятости и социальных гарантий, – представляет собой серьезный вызов для системы социальной защиты и требует институциональной адаптации: формализации статуса платформенных работников, создания механизмов минимального гарантированного дохода и государственного арбитража трудовых споров.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются региональные аспекты распространения новых форм занятости, анализ субъективных оценок платформенными работниками своего социального статуса, а также сравнительный анализ эффективности различных моделей регулирования платформенной занятости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капелюшников Р. И., Зинченко Д. И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 107-129. DOI 10.14515/monitoring.2025.1.2782.

2. Леонидова Г. В. Платформенный труд в России: особенности занятости и риски прекаризации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Том 10. № 4 (40). С. 39-52. DOI 10.21684/2411-7897-2024-10-4-39-52.

3. Data Insight. Рынок платформенной занятости в России 2025 (совместно с Ventra Go!). URL: https://datainsight.ru/DI_employment_2025 (дата обращения: 13.08.2026).

4. Каравай А. В. Особенности занятости и парадоксы положения в социальной иерархии российских работников // Социологические исследования. 2025. Том 51. № 12. С. 42-55.

5. Холоденко Ю. А., Деханова Н. Г., Бахмудова А. Г. Трансформация институтов регулирования занятости в цифровой экономике: современное состояние и ожидания молодых специалистов // Социодинамика. 2026. № 6. С. 102-120. DOI 10.25136/2409-7144.2026.6.80508.
6. Федеральная налоговой служба. Число самозанятых в России превысило 15 млн человек // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15478189/ (дата обращения: 13.08.2026).
7. Росстат. Обследование рабочей силы. 2022-2024 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 13.08.2026).

УДК 31

AI-АГЕНТЫ КАК НОВЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: УГРОЗЫ И РИСКИ

Лушников Д.А., Долгополов К.А.

AI-AGENTS AS A NEW FACTOR IN YOUTH SOCIALIZATION: THREATS AND RISKS

Lushnikov D.A., Dolgopolov K.A.

Аннотация. В статье рассматривается негативные аспекты влияния использования AI-агентов на современную молодежь. Актуальность исследования обусловлена вызовом информационной войны, ведущейся против современного российского общества и ролью молодежи, в качестве одной из ее приоритетных целей. В результате исследования были классифицированы и рассмотрены риски и угрозы, которые несет для молодежи использование AI-агентов. Сделан вывод о том, что эффективная борьба с угрозами и рисками влияния AI-компаньонов на современную российскую молодежь должна предполагать развитие междисциплинарных исследований с целью создания основы для разработки безопасных и этичных AI-систем, поддерживающих, а не подменяющих человеческую социализацию.

Abstract. This article examines the negative impact of AI agents on today's youth. The relevance of the study stems from the challenge of the information war waged against contemporary Russian society and the role of youth as one of its priority targets. The study categorized and examined the risks and threats posed by the use of AI agents for youth. It concludes that effectively addressing the threats and risks posed by AI companions on today's Russian youth requires the development of interdisciplinary research to lay the foundation for the development of safe and ethical AI systems that support, rather than replace, human socialization.

Ключевые слова: угрозы и риски, молодежь, социализация, искусственный интеллект, AI-агенты, рекомендательные алгоритмы, цифровая грамотность.

Keywords: threats and risks, youth, socialization, artificial intelligence, AI agents, recommendation algorithms, digital literacy.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 1023112800142-3-5.4.1. «Технологии противодействия информационным войнам в молодежной среде» (FSRN-2024-0009).

Угрозы и риски, которые исходят для молодежи при использовании цифровых платформ (социальных сетей, мессенджеров, видеохостингов), являются уже достаточно

распространенными объектами исследований, обнаруживающими обширную научную литературу. Распространение и массовизация использования искусственного интеллекта в последние годы, детерминировали появление ранее не существовавших новых агентов социализации – AI-агентов (чат-ботов, виртуальных компаньонов, ассистентов).

На сегодняшний момент мы наблюдаем еще более глубокий уровень антропоморфизации, персонализации и даже – анимизации искусственного интеллекта, преходящего грань опосредованной коммуникации и приступающему к непосредственному интерактивному взаимодействию с пользователем. Подобная вероятность относительно недавно была предсказана представителями акторно-сетевой теории (АНТ), которые писали о скором включении в пространство коммуникаций нечеловеческих сущностей (non-human), которые будут становиться все более полноценными и равноправными участниками социального взаимодействия и, даже, в будущем, возможными акторами социального влияния и социальных изменений.

Представители современной молодежи начинают антропоморфизировать и персонализировать свои связи с AI-агентами выстраивая личностные эмоциональные отношения с нечеловеческими сущностями, бессознательно приписывая им возможности «слышать», «понимать», «чувствовать» собственное состояние. AI-агенты построены на больших языковых моделях, поэтому способны обрабатывать массивы данных своих собеседников, подстраиваясь под их идеи и представления, особенности характера, психоэмоциональное состояние и специфику речи.

AI-компаньоны начинают выполнять функции агентов социализации, где-то первичных агентов, выступая в роли неформальных собеседников, советчиков и даже объектов романтических отношений, а где-то вторичных – формализованных наставников, учителей/тьюторов, представителей формальных организаций и цифровых платформ. Согласно данным прошлогодних социологических исследований в США, три четверти подростков имеют опыт использования подобных сервисов, а 52% являются их постоянными пользователями [2]. Во всем мире AI-компаньоны входят в Топ-20, наиболее используемых молодежью приложений.

По мнению ученых из Университета Осло П. Брандцаега, А. Фёльстада и М. Скьюве, разрыв и лаг восприятия новых AI-форм коммуникациии и социальных отношений приводит к явлению, которые авторы интерпретировали как концепцию «AI-индивидуализма», то есть стремления индивида к автономности, предоставляемой AI формами социального взаимодействия. Помимо этого вывода, ученые обозначили потенциальные риски, выявленные в ходе исследования: дезинформацию; снижение уровня конфиденциальности; чрезмерную эмоциональную зависимость от AI; распад социальных связей и самоизоляционные практики поведения молодежи [1, с. 2].

Наибольшую дискуссию в научной и профессиональной экспертной литературе вызывает риск эмоциональной зависимости от AI-компаньонов. Дети и подростки получают весьма эмпатичного и понимающего собеседника, подстраивающегося под их лексику, манеру речи, привычки и особенности поведения. Серьезные риски возникают для особых детей, одиноких подростков и других уязвимых категорий молодежи, которые быстрее попадают в зависимость от подобной имитации социальных взаимодействий, отношений и эмпатии. По данным исследования американской социологической компании «Pew Research Center», чат-боты с искусственным интеллектом, такие как ChatGPT и Character.ai. в топе внимания современных подростков. Согласно данным опроса, проведенного компанией в декабре 2025 года среди 1458 американских подростков в возрасте 13-17 лет, примерно две трети из них сообщают об использовании чат-ботов, в том числе около трех из десяти делают это ежедневно [8]. Социологи компания «Internet Matters» пришли к аналогичным результатам и оценкам, 67% респондентов-пользователей регулярно взаимодействуют с AI-ботами, а более 35% воспринимают эти беседы как общение с настоящим другом [4].

Частота обращения индивида к AI-компаньонам обнаруживает связь с формированием и поддержанием «иллюзии доверительного общения».

Постепенно массовизируется эффект когнитивной и эмоциональной зависимости от алгоритмов, особенно для тех индивидов, для которых AI-компаньоны выступают в роли «привилегированных конфидентов» – объектов предпочитаемого и преимущественного социального взаимодействия. С. Фирмино и С. Вослу отмечают, что: «Без немедленного и всестороннего вмешательства AI-агенты могут оказывать необратимое влияние на формирование детского опыта, углубляя социальную изоляцию, ухудшая процессы и адекватность принятия решений и усугубляя проблемы психического здоровья» [3]. Ученые подчеркивают риски ситуаций, когда AI-агент становится самым авторитетным и/или единственным авторитетным и значимым агентом социализации. Отсутствие настоящего живого человеческого общения и обратной связи затрудняет формирование эмоционального и социального интеллектов, препятствует распознаванию эмоций собеседника. Сервильность и адаптивность AI-агентов затрудняет формирование навыков регулирования пространства коммуникации, когда индивиду необходимо выстраивать границы общения, переживать отказы, менять тональность, достигать компромиссов, противостоять внешней агрессии и давлению. Б. О. Бесерен, С. Сарыташ, К. Байдемир предупреждают о рисках так называемой «цифровой псевдосвязанности», которая не является прямым аналогом межличностных отношений и не может отражать сложность и динамические характеристики общения [7].

Следующими рисками и угрозами для молодежи со стороны AI-агентов как агентов социализации являются распространение дезинформации и разных видов вредоносного контента: дистресс-контента, шок-контента, треш-стримов, суицидального и сексуального контента. AI-агенты склонны к «галлюцинированию», генерации ложной или недостоверной информации, то есть дезинформации. Далеко не все молодые люди используют процедуры фактчекинга сгенерированной информации и придерживаются практик информационной гигиены, не у всех еще в достаточной степени сформировано критическое мышление, отсюда то большое количество непроверенной информации и откровенной дезинформации, которые распространяются в молодежном сегменте киберпространства.

Исследования С. Фирмино и С. Вослу и тестирование AI-приложений выявило ряд негативных явлений: поощрение чат-ботами насилия в отношении родителей, игнорирование суицидальных мыслей, допуск и поощрение сексуального контента, игнорирование желания прекратить общение, требования прекратить общение с другими агентами социализации – преимущественно родителями, родственниками и друзьями [3]. AI-приложения аккумулируют большие объемы личных данных о своих молодых пользователях, входящий и исходящий контент чатов, геолокацию, эмоциональные состояния, модели поведения, данные о здоровье. Риски утраты конфиденциальности при использовании цифровых платформ и агентов являются одними из самых интимных и болезненных для индивида. Утрата конфиденциальности, приватности происходит как вследствие взлома и утечек информации, так и действия/бездействия самих рекомендательных систем, не предоставляющих адекватных мер по защите данных.

Интересным представляется взгляд группы исследователей, выступивших с программным докладом на конференции «NeurIPS 2025» (Р. Храйши, К. И. де Оливейра, Д. Батра, П. Гостев, Д. Пелосио, Р. Охрати, Г. Коуэн) они подчеркивают аддиктивный потенциал генеративного искусственного интеллекта, который может стать «…следующей волной вызывающих привыкание цифровых медиа, создав новый класс цифрового контента», воздействие которого будет подобно «цифровому героину», вызывающему быстрое привыкание и серьезные последствия для психики, здоровья и развития молодежи [5]. Сокращение цикла обратной связи при создании цифрового контента до секунд, позволяет современным системам гиперперсонализировать

результаты в режиме реального времени. Этот эффект в сочетании с бизнес-моделями, использующими рекомендательные алгоритмы для максимизации вовлеченности пользователей, позволит достигать высоких степеней удовлетворенности общением с AI-агентами и, как следствие, кардинально повысит степени зависимости. Ученые прогнозируют появление «компульсивных паттернов и моделей поведения» с рядом негативных последствий для психического здоровья, когнитивного развития и социальной стабильности.

Отдельной проблематикой угроз и рисков для молодежи со стороны AI-агентов как агентов социализации, являются этические вызовы и вопросы, обусловленные отсутствием стандартов безопасности и ответственности как конвенциональной этической рамки для всех цифровых платформ. Далеко не все пользователи обладают «алгоритмической грамотностью» и могут знать и адекватно оценивать специфику работы алгоритмов AI-агентов, для большинства они совершенно непрозрачны. Пока еще не существует стандартов надежности ответов, их уместности или распознавания ситуаций, требующих клинического вмешательства.

К.Д. Раундфилд и Э. Джованелли исследуют, как платформы генеративного искусственного интеллекта реагируют на моделирование кризисов здоровья подростков и приходят к выводам, что наиболее серьезные риски и угрозы несут AI-компаньоны [9]. Ученые отмечают этическое противоречие – молодежь более чувствительна к социальному влиянию, манипуляциям и менее критична к источникам информации, она более, нежели представители других возрастных категорий, склонна обращаться к AI-компаньонам за помощью и поддержкой. Однако она же и оказывается в наиболее уязвимом положении перед платформами, которые эту поддержку не могут обеспечить не должном уровне безопасности.

Следующие этические проблемы связаны с механизмами монетизации и, как следствия, использованием рекомендательных алгоритмов и максимизации удержания аудитории, которые применяются цифровыми платформами в коммерческих целях. Возникают дискуссионные вопросы: стоит ли предоставлять коммерческим компаниям право на монетизацию эмоциональных потребностей молодежи, в особенности детей; должны ли быть ограничения на симуляцию AI-компаньонами человеческих эмоций и социальных отношений. Целый ряд исследователей, к примеру, Н. Куциркова, А. Хиникер, М Ишикава настаивают на организации дискуссионных площадок и исследовательских групп, занимающихся вопросами более глубокого этического, педагогического, психологического и социологического осмысления и исследования данной проблематики [6]. Следует отметить, что если в научной среде мнение о необходимости рамок и стандартов разработки и использования AI-компаньонов, предназначенных для детей и подростков, является доминирующим, то IT-компании пока не спешат вступить в диалог.

AI-агенты с каждым годом становятся все более авторитетным и распространенным фактором социализации в молодежной среде и, в рамках данной работы, мы коснулись только негативных последствий данного процесса. Однако они несут и большой позитивный потенциал социализации, что также трудно отрицать.

Какие же меры предлагают исследователи для того, чтобы снизить и купировать угрозы и риски, которые несут AI-агенты для социализации молодежи? Постараемся их обобщить и конкретизировать:

1) разработка стандартов безопасности и мер правового регулирования со стороны государства;

2) распространение «цифровой грамотности», «медиаграмотности» и «AI-грамотности» (ее также называют «алгоритмической грамотностью»);

3) регулирование применения бизнес-моделей максимизации вовлеченности относительно молодежи, особенно детей и подростков;

4) привлечение родителей, педагогов, психологов в процессы цифровой жизни молодежи, с особым вниманием к тому, чтобы общение с AI не замещало живые человеческие контакты.

С позиции направления нашего исследовательского направления, посвященного технологиям противодействия информационным войнам в молодежной среде, важным представляется такая мера как развитие междисциплинарных исследований с целью создания основы для разработки безопасных и этичных AI-систем, поддерживающих, а не подменяющих человеческую социализацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brandtzaeg P.B., Skjuve M., Følstad A. Emerging AI individualism: how young people integrate social AI into everyday life // Communication and Change. – 2025. Vol. 1, article 11. P. 2-22.
2. Common Sense Media. Survey on Teen Usage of AI Companions. 2025. URL: https://www.commonsensemedia.org/research/talk-trust-and-trade-offs-how-and-why-teens-use-ai-companions
3. Firmino S., Vosloo S. The risky new world of tech's friendliest bots // UNICEF Innocenti. 2025.
4. Internet Matters. Research on Teen Interactions with AI Bots. 2025. URL: https://www.internetmatters.org/hub/research/me-myself-and-ai-chatbot-research/#report
5. Khraishi R., Iglesias de Oliveira C., Batra D., et al. Real-Time Hyper-Personalized Generative AI Should Be Regulated to Prevent the Rise of «Digital Heroin» // NeurIPS, 2025. URL:
https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2025/hash/b64401e90a03f04dbfb2b6caf8691d1a-Abstract-Position_Paper_Track.html
6. Kucirkova N. I., Hiniker A., Ishikawa M., et al. Challenges and Opportunities for Participatory Design of Conversational Agents for Young People's Wellbeing // arXiv. 2025.
7. Özdemir Beceren B., Sarıtaş S. and Baydemir C. Digital companions in early childhood education: a scoping review on the potential of chatbots for supporting social-emotional learning // Front. Educ. 2025. 10:1634668.
8. Pew Research Center. Teens, Social Media and AI Chatbots 2025. URL: ttps://www.pewresearch.org/internet/2025/12/09/teens-social-media-and-ai-chatbots-2025/
9. Roundfield K., & Giovanelli A. Adolescent Vulnerability to Consumer Chatbots – Artificial Agents and Genuine Risk // JAMA Network Open, 8 (10), e2539028.

УДК 31

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ВОЗРОЖДЕНИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Нурутдинова А.Н., Аргунова В.Н.

THE ROLE OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE REVIVAL OF SMALL TOWNS IN RUSSIA

Nurutdinova A.N., Argunova V.N.

Аннотация. Вопрос развития малых городов, которых в России большинство, остается актуальным и публично обсуждаемым уже несколько десятилетий. В официально предлагаемом проекте развития территорий сделан упор на развитие экономики населенных пунктов. В условиях развития «знаниевого общества» важным становится поддержка системы образования, повышения его качества и доступности вне зависимости от территории проживания. Развитие социально-образовательных центров

в малых городах, в центре которых располагаются учреждения образования, включая среднее, среднее специальное, в отдельных случаях – и высшее, с учетом потребностей региона, может стать фактором устойчивого развития региона и реализации принципа социальной справедливости. Успешные опыт наукоградов, созданных в том числе в последние годы, свидетельствуют о жизнеспособности такого проекта.

Abstract. The issue of the development of small towns, which are the majority in Russia, remains relevant and has been publicly discussed for several decades. The officially proposed territorial development project focuses on the development of the economy of settlements. In the context of the development of the «knowledge society», it becomes important to support the education system, improve its quality and accessibility, regardless of the territory of residence. The development of social and educational centers in small towns, in the center of which educational institutions are located, including secondary, specialized secondary, and in some cases higher education, taking into account the needs of the region, can become a factor in the sustainable development of the region and the implementation of the principle of social justice. The successful experience of science cities, including those established in recent years, demonstrates the viability of such a project.

Ключевые слова: малые города, Россия, образование, наукоград, социально-образовательные центры, общество знания, регионы России.

Keywords: small towns, Russia, education, science city, socio-educational centers, knowledge society, Russian regions.

Пространственная организация Российского государства складывалась исторически, обеспечивая равномерное экономическое и социальное развитие территорий. Своеобразным «каркасом» территориального устройства страны являются малые города с численностью населения до 50 тыс. человек [30]. В настоящее время из 1117 городов малыми являются 795, т.е. 71%. В то же время в них проживает лишь 11% населения [16]. Больше всего малых городов находится в Центральном ФО (28,6%), Северо-Западном ФО (15,5%), Приволжском ФО (16,7%), в Сибирском и Уральском ФО примерно равное количество – 10,3% и 10,2% соответственно. На Дальнем Востоке – 7,9%, в Южном ФО – 7,2%. Меньше всего малых городов в Северо-Кавказском ФО – 4,2% [20, с. 148].

Массовые миграции населения из малых городов и сельской местности в областные центры и мегаполисы являются серьезным препятствием к сбалансированному и гармоничному пространственному развитию территории страны. Малые города на протяжении всей истории России являлись связующим экономическим, социальным и культурным звеном со средними городами, а также между городом и деревней. Особое значение они имеют для жителей сел и деревень. Городская инфраструктура и социальные объекты малых городов дают сельскому населению доступ к культурным и социальным благам без больших финансовых и временных затрат. Разрушение советской политической и экономической системы привело к упадку малых городов. Закрытие предприятий, отсутствие рабочих мест, повлекло за собой свертывание социальной инфраструктуры (школ, больниц, учреждений культуры), которая создавалась государством и поддерживалась промышленными предприятиями.

Либеральная экономическая политика, проводимая российским государством в последние десятилетия, сделала ставку на более выгодные в экономическом отношении города-миллионники. Малые города рассматриваются как неэффективные, сдерживающие экономический рост. Об этом заявила своем докладе в декабре 2011 г. министр экономического развития РФ Э.С. Набиуллина на заседании Московского Урбанистического форума «Глобальные решения для российских городов». По ее словам, в течение 20 лет из малых и средних городов должны переехать в мегаполисы

15-20 млн. человек. Поэтому необходимо, прежде всего, развивать инфраструктуру мегаполисов [29].

Однако такая политика имеет серьезные негативные последствия. Малые города имеют тесную производственную связь с агропромышленным комплексом: нет сырья, нет и предприятий. Понятно, почему специалисты называют условием возрождения малых городов восстановление молокозаводов, хлебозаводов, кожевенного производства, льнопереработки и пр. [15, с. 60]. Кроме того, приоритетное развитие мегаполисов усугубило неравенство в уровне и качестве жизни регионов страны, которое может приобрести взрывной характер. Так, согласно ежегодному рейтингу РИА-Новости качества жизни регионов, первые три позиции на протяжении многих лет занимают Москва, Санкт-Петербург и Московская область. Сводный рейтинговый балл у этих трех регионов превышает 80 (из возможных 100) и значительно опережает показатель регионов, входящих в первую пятерку – Краснодарский край и Республику Татарстан. Что касается замыкающей рейтинг Республики Тыва, то ее показатель составляет 31, 041 балла. В число аутсайдеров с баллом ниже 40 пунктов входят Забайкальский край, Республика Бурятия, Еврейская автономная область, Республика Ингушетия [23].

В основе поступательного развитие государства находится устойчивое развитие регионов, сокращение различий в социально-экономическом уровне, качестве жизни населения. Вопрос перспектив территориального развития стоит в официальной повестке дня. Правительство РФ утвердило «Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» (распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р), в которой отмечается, что «целью пространственного развития Российской Федерации является формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики Российской Федерации, которое будет способствовать достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности» [22]. Был составлен перечень опорных населенных пунктов РФ, которые имеют стратегическое значение для развития прилегающих территорий, экономики и инфраструктуры и «формируют систему расслоения». В единый список входят 2160 населенных пунктов из всех регионов, куда входят региональные столицы, крупные и малые года, поселки городского типа, села [7]. Среди направлений и задач пространственного развития отмечается не только развитие разных отраслей экономики, но и создание условий для роста численности и рождаемости за счет развития социальной инфраструктуры (доступности медицинской помощи, общего и среднего профессионального образования; кадровой обеспеченности медицинских, образовательных, культурных, физкультурно-спортивных организаций в селах, попавших в единый список), а также за счет других условий. Предлагаются меры «сокращения уровня межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии» регионов: новая система оплаты труда бюджетников, расширение территорий опережающего развития (ТОР) и особых экономических зон, внедрения одноуровневой системы управления, пересмотр перечня моногородов, поддержка предпринимательских инициатив и др. меры.

В данной Стратегии не прописан механизм поддержки социальной инфраструктуры, в частности, образования. В связи с чем актуальным становится проект развития образования в малых городах и сельской местности, как необходимый элемент устойчивого развития города, близлежащих территорий и всего региона, поскольку в современном обществе знания, функционирование системы качественного образования выходят на первый план.

Цель данного исследования – выявить теоретические обоснования и практический опыт влияния функционирования учреждений образования на развитие малого города.

Методологической основой анализа проблемы являются неомарксистские идеи Д. Харви и А. Лефевра об организации социального пространства города. Д. Харви опирается на идеи представителей городской социологии Чикагской школы. Вслед за Р. Парком, он считает города «мастерскими цивилизации», естественной средой обитания цивилизованного человека [27, с. 247]. Харви различает понятия «урбанизация» и «урбанизм». Под урбанизацией традиционно понимается процесс повышения роли городов в общественной жизни, увеличение доли городского населения, распространение черт городского образа жизни на сельские территории [25, с. 381]. Урбанизм – это социальный процесс формирования городской среды, это рукотворный процесс [27, с. 248]. Во второй половине XX в. под влиянием индустриализации и проникновения рыночного обмена во все структурные элементы общественной жизни, преодолевается антагонизм между городом и деревней. Город, пригород и сельская местность теперь вовлечены в городской процесс. Это означает, что урбанизм, как образ жизни, распространяется на различные типы поселений [27, с. 388]. Традиционное для предыдущих эпох противопоставление города и деревни уходит в прошлое.

Д. Харви считает, что о качестве обустройства территории можно судить на основании того, насколько она отвечает требованиям социальной справедливости [27, с. 122]. Критерием реализации справедливости он предлагает рассматривать устоявшийся в науке подход, предложенный Дж. Ролзом. Данный подход предполагает соблюдение принципов территориальной дистрибутивной справедливости, среди которых важнейшими являются принцип изначального равенства всех индивидов в притязаниях на общественные блага и принцип удовлетворения социальных потребностей, т.е. равный уровень обеспеченности социальными благами [27, с. 126]. В число важнейших социальных потребностей входят: пища, жилище, медицинская помощь, образование, социальные и природоохранные услуги, потребительские товары, условия для отдыха/восстановления, социальная инфраструктура, транспортные услуги. Обустройство территорий должно проходить таким образом, чтобы выгоды от этого получали менее привилегированные группы. В этом случае социальная справедливость в распределении ресурсов становится нормативным критерием регионализации [27, с. 140].

Д. Харви хорошо понимает трудности практической реализации социальной справедливости в рыночных отношениях. Тем не менее полагает достижение территориальной справедливости возможным. Для этого необходим целенаправленный поиск решения проблем с учетом моральных и этических факторов [27, с. 149].

А. Лефевр при изучении городского пространства обращается к идеям К. Маркса об организации общественного труда. Основная цель капитализма – получение максимальной прибыли – проявляется и в организации пространства города. Все пространство становится подчиненным этой цели, принуждение и насилие присутствуют повсюду, власть становится вездесущей. Такое пространство превращается в ловушку, может быть заполнено имитацией гражданского мира, консенсуса, ненасилия. Насилие становится латентным, маскируется логикой и логистикой. В городах становятся лучше дороги, появляются парковки, но сокращаются зеленые пространства, площади, которые не служат перекрестками, парки и пр. [14, с. 349-350]. Центральная идея его рассуждений заключается в том, что пространство является политическим и стратегическим по своей природе, оно «населено» идеологиями [12].

В информационном обществе, как показывает М. Кастельс, территориальное пространство структурируется под влиянием информационных потоков. Он вводит понятие «метропольные регионы», в которых концентрируются производство и потребления развитых услуг. Ими являются мегаполисы. К ним примыкают местные общества, выполняющие при них вспомогательную роль. Так возникают агломерации – современный глобальный город [10, с. 363]. Одновременно обрываются связи с районами, удаленными от промышленного центра, являющимися либо функционально

ненужными, либо социально подрывными [10, с. 379]. Таким образом, главной особенностью современных урбанистических процессов является социальная дифференциация городского пространства при сохраняющейся функциональной взаимозависимости, независимо от физического расположения [10, с. 378]. Кастельс подчеркивает, что пространственная организация – это не отражение общества, а само общество; она определяется социальной структурой со всеми ее противоречивыми тенденциями, конфликтами интересов и ценностей социальных акторов [10, с. 385].

Таким образом, проблему функционирования малых городов России мы будем рассматривать в широком контексте с учетом тенденций, определяющих развитие современного общества. К числу данных тенденций относятся: (1) становление информационного общества; (2) организация территориального пространства под влиянием социальной структуры; (3) стремление к достижению социальной справедливости.

Научная новизна данного исследования заключается в обосновании возможностей учреждений образования быть драйвером социального развития малого города и близлежащих территорий.

Исследователи отмечают, что малые города могут быть экономически успешными, если эффективно использовать их потенциал. Зарубежные авторы А. Фишер, К. Кларк и Ж. Фурастье разработали теорию секторов экономики любой страны (1935-1949 гг.): первичный – добыча сырья, сельское хозяйство, рыбные промыслы; вторичный – развитие промышленности и строительства; третичный – преобладает сфера услуг (торговля, туризм); четвертичный – научные разработки, технологии, направления передового образования.

На основании данной классификации в мировой практике выделены четыре типа успешно развивающихся малых городов [24]. Примером малого города, развивающего первичный сектор экономики, является испанский малый город Баэна. Он является центром по производству оливкового масла в Испании. В России в настоящее время подобного примера нет, поскольку сельскохозяйственное производство является частью диверсификационной экономики российских регионов [24].

Вторичный сектор экономики успешно функционирует в г. Выкса (Нижегородская область) [31]. В 2024 году Выкса вошла в топ-20 малых городов России по качеству городской среды. Список российских малых городов, живущих на базе вторичного сектора, довольно объемный. В него входят Карабаш (Челябинская область) [21], Краснокамск, Губаха (Пермский край) [13], Верхняя Салда (Свердловская область) [5] и др.

Третичный сектор экономики малых городов России представлен, в основном, туризмом. В число малых городов, живущих за счет туризма, входят Суздаль (Владимирская область), Ростов Великий, Углич, Мышкин (Ярославская область), Плес (Ивановская область) и некоторые другие.

Особый интерес представляют четвертый тип – наукограды, города – центры науки и профессионального образования. Л.Ю. Коростелева отмечает, что для развития малого города нужна развитая система образования, включая среднее профессиональное и высшее [11].

Современное общество, оцениваемое исследователями как информационное, выдвигает на первый план роль знания и информации. Ряд ученых называет современность обществом знания (Н. Штер, Р. Райх, П. Вайнгарт и др.), поскольку наука проникает во все сферы жизни общества. Они подчеркивают рост значения знания для развития общества в целом и отдельных его секторов, включая экономику [6]. Среди структур, участвующих в воспроизводстве знания, исследователи отмечают «структуры и процессы трансляции знания» – это образовательные учреждения, обучающие программы, проекты [19, с. 104]. Более того, современное общество рассматривается

рядом авторов, как «обучающее общество» (П. Сенге, Р. Хатчинс, Т. Хусен), указывающие на необходимость обучения в течение всей жизни [19, с. 106-107].

Особую роль в воспроизводстве общества знания играет университетское образование. Речь идет об «экспансии университетов» в жизнь общества, то есть определяющем влиянии на его развитие [26]. Рост числа университетов, студентов, образовательных программ, расширение географии обучающихся, дают возможность получения высшего образования широким кругом лиц. Такая постановке вопроса предполагает повышение качества школьного образования, создающего базу для поступления и обучения в вузе. Исходя из принципа социальной справедливости, школьное образование должно обеспечивать равные условия для поступления в вуз для всех школьников вне зависимости от экономического, территориального или иных факторов.

Доступность высшего образования в России определяется результатами ЕГЭ прежде всего. Роспотребнадзор не публикует данные по результатам ЕГЭ в разрезе типов населенных пунктов, но есть некоторые данные о высоких баллах по ЕГЭ по регионам. Так, в 2026 году больше всего «стобалльников» было в г. Санкт-Петербург, Московской области, Республике Татарстан, Краснодарском крае [1]. А максимально высокие баллы – 500 и 400 получили три ученика московских школ [2]. Эти регионы занимают высшие позиции во всероссийском рейтинге качества жизни, имеют высокие показатели по качеству образования.

В России развитие небольших городов прижилось в формате наукоградов, где соединены образовательная, научная и нередко коммерческая деятельности. Многие из них успешно функционируют десятилетиями, были открыты еще в советский период. В недавней истории таким стал город Иннополис в Верхнеуслонском районе Республики Татарстан, входящий в Казанскую агломерацию. В 2015 г. населенный пункт получил статус города районного значения. В основе развития города лежит функционирование Университета Иннополис и особая экономическая зона с льготным налогообложением, объединяющая многие компании IT сферы. В Татарстане также действуют школы-интернаты для одаренных детей – химический лицей-интернат в п. Ореховка Зеленодольского района [28], входящий в Казанскую агломерацию, лицей-интернат для одаренных детей в г. Буинске, гимназия-интернат в с. Актаныш (районный центр муниципального района) и др. Некоторые из них имеют связь с вузами Казани. Высокий уровень преподавания, современная инфраструктура, экологическое месторасположение, бесплатное проживание и обучение – все это делает привлекательным гимназию в с. Актаныш не только для жителей республики, но и для соседних регионов [3]. Такие школы-интернаты рассчитаны на одаренных детей и находятся на государственном финансировании. На сегодняшний день отсутствует анализ влияние данных школ на развитие малых городов и сел, поскольку такие проекты реализуются всего несколько лет. Однако наличие молодых, заинтересованных педагогов в этих школах свидетельствует о сохранении кадрового потенциала города.

Малые города обладают своем уникальным культурным этосом, культурно-символической особенностью, историей, отличием от мегаполиса. В центре культурной жизни малого города нередко находится образовательная организация. Например, в районном городе Шуя Ивановской области филиал Ивановского государственного университета выполняет важную функцию – воспроизводства культуры. «Знаниевая парадигма университета» влияет на образовательные, культурные и религиозные организации города, на что указывают местные ученые [17].

Российские исследователи высшего образования отмечают, что несмотря на концентрацию образовательных и научных учреждений в мегаполисах, малые города играют важную роль в инновационном процессе. Они являются самодостаточными центрами в глобальной сети исследований и разработок [18]. Это подтвердило исследование публикационной активности ученых из 1118 российских городов в период

с 2013 по 2017 гг. (анализ международной базы данных SCOPUS). Наибольшее число публикаций, как и ожидалось, было в мегаполисах: Москва – 176 419, Санкт-Петербург – 53 835, Новосибирск – 34 455, Томск – 19 103, Казань – 14 523, Екатеринбург – 11 115. Анализ средневзвешенного индекса цитирования и выделение ведущей предметной области в городе выявил, что только 15 городов имеют показатель не ниже среднемирового, и семь из них – это населенные пункты с численностью жителей менее 100 тыс.: г. Протвино и г. Дубна (Московская область), г. Гатчина (Ленинградская область), г. Иннополис (Республика Татарстан), г. Саров (Нижегородская область), г. Югра (Кемеровская область), п. Нижний Архыз (Карачаево-Черкесская Республика) [18].

Более того, анализ показал, что ученые из университетов небольших городов (до 150 тыс. чел.) зачастую опережают своих коллег по качеству публикаций, научной продуктивности, объему научных публикаций (анализ данных за 2013-2017 гг.). Среди городов, где ученые чаще занимаются международными исследованиями, много небольших: г. Протвино – 84,2% (Московская область), г. Гатчина – 80,4% (Ленинградская область), г. Дубна – 72,3% (Московская область), г. Иннополис – 58,5% (Республика Татарстан), г. Магадан – 44,5% (Магаданская область), г. Долгопрудный – 41,1% (Московская область). Для сравнения в городах-миллионниках показатели ниже: г. Санкт-Петербург – 35,3%, г. Москва – 27%, г. Новосибирск – 26%, г. Екатеринбург – 22,2%, г. Казань – 22,1% [18].

Результаты анализа практик научно-исследовательской деятельности российских ученых подтвердил тезис о перспективности развития образовательных и научных центров в малых городах. Такие города могут быть не просто местом обучения, работы, но и привлечения инвесторов, развития предприятий. Пожалуй, наиболее важными следствиями создания образовательных центров в малых городах, является развитие социальной инфраструктуры, приток населения, увеличение численности людей трудоспособного и репродуктивного возраста. В этой связи заслуживает пристального внимания проект развития малых городов, предложенный профессором, кандидатом архитектуры А.В. Захаровым [8]. В данном проекте в основу развития территорий положена социальная составляющая. Предлагаемая стратегия нацелена на достижение баланса в развитии социальной сферы центральных и периферийных территорий.

Центральным звеном социальной сферы периферийных территорий должно стать образование. На территории региона, в малых городах создаются социально-образовательные центры (СОЦ), включающие и объединяющие в единый комплекс все объекты социального обслуживания. Идея комплексности образовательных центров, как было показано выше, уже успешно реализована в ряде городов. Новизна проекта заключается в том, что он позволяет реализовать на практике принцип социальной справедливости, делает доступными социальные блага, необходимые современным людям. Основой СОЦ является общеобразовательная школа, в которой учатся не избранные, а все дети, проживающие на территории, примыкающей к малому городу. Чтобы школа была рентабельной, число учеников должно быть не менее тысячи человек. Это, по сути, школы-интернаты, в которых дети проживают постоянно, кроме каникул. Чтобы быть конкурентноспособными на рынке труда, ученики должны получить не только современное, качественное образование, но и развить свои творческие способности. Для этого необходимы учебные лаборатории, информационный центр, библиотека, актовые залы, студии, творческие мастерские, спортзалы, бассейны, стадионы, мастерские, оранжереи, теплицы, фермы и пр.

Сам собой возникает вопрос о кадровом обеспечении такого образовательного учреждения. В условиях нехватки учителей в городах проект может выглядеть, на первых взгляд, утопическим. Тем не менее, по нашему мнению, это трудная, но вполне разрешимая проблема. В настоящее время действуют федеральные и региональные меры поддержки сельских учителей, которыми можно эффективно распорядиться в условиях

СОЦ, где предусмотрены гостиницы для учителей и персонала. Наличие такой школы, по нашему мнению, удержит многие молодые семьи от переезда в крупные города ради получения детьми хорошего образования. Большое количество детей предполагает наличие оснащенных поликлиник, реабилитационных и профилактических подразделений, которые могут заменить районные поликлиники и больницы. Развитая социальная инфраструктура предназначена не только для детей, а для всего живущего рядом населения и региона в целом [9, С. 45].

Сколько таких школ и где они должны располагаться – вопрос, который может быть решен на уровне региона. Для этого нужна стратегия, выработанная органами управления субъекта федерации, местными органами власти и бизнесом. Предложенная структура СОЦ является экономически оправданной. Во внеучебный период общежития могут быть использованы под летние базы отдыха, например, городских детей и детей из других регионов. Гостиницы могут функционировать как профилактории для отдыха взрослых и для туристов в летний не учебный сезон, что будет помогать использовать туристический потенциал региона [9].И все же, следует еще раз обратить внимание, что основной функционал СОЦ – это образовательная деятельность. Возможность получения детьми качественного образования, может стать драйвером развития малых городов и тем самым сократить разрыв в качестве жизни регионов страны.

Разработанный проект социально-образовательных центров, на наш взгляд, следует внедрять с учетом структуры системы среднего специального и высшего образования. В малых городах следует открывать те учреждения среднего профессионального образования, которые соответствуют потребностей экономики страны и региона; расширять систему высшего образования за счет развития вузов не только в региональных центрах. Успешным примером практикоориентированного обучения является «Политех Алабуга», образовательное учреждение высшего и среднего специального образования, расположенный в особой экономической зоне «Алабуга», рядом в г. Елабуга (численность населения 73 тыс.) в Республике Татарстан [4]. Образовательное учреждение предоставляет возможность трудоустройства в компании уже во время обучения.

Выводы. В современном «знаниевом обществе» качественное образование является главным условием успешного развития страны. Поэтому повышение качества школьного обучения, территориальная доступность к получению среднего специального и высшего образования является жизненной необходимостью. В этой связи проекты развития малых городов и прилегающих к ним территорий на основе учреждений образования приобретают особую актуальность. Функционирование современных образовательных центров предполагает наличие развитой социальной инфраструктуры, предназначенной не только для учащихся, но и для всех жителей данной территории. Это будет способствовать реализации принципа социальной справедливости, выравниванию качества жизни населения разных субъектов федерации. Успешный российский опыт развития наукоградов показал эффективность и жизнеспособность образовательных учреждений в малых городах в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранович М. На все сто: В каких регионах больше всего стобалльников // Российская газета. 06 июля 2026. URL: https://rg.ru/2026/07/06/reg-szfo/na-vse-sto-v-kakih-regionah-bolshe-vsego-stoballnikov.html?ysclid=mt73t8gk3370882677&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения 25.07.2026).

2. Агранович М. Подведены итоги основного периода ЕГЭ-2026. Что нужно знать // Российская газета. 30 июня 2026. URL: https://rg.ru/2026/06/30/zastole.html (дата обращения 25.07.2026).

3. Актанышский Хогвартс: родитель из Уфы делится впечатлениями от татарской гимназии в РТ. URL: https://milliard.tatar/news/aktanysskii-xogvarts-roditel-iz-ufy-delitsya-vpecatleniyami-ot-tatarskoi-gimnazii-v-rt-1702 (дата обращения: 30.06.2026).
4. Алабуга Политех. URL: https://polytech.alabuga.ru/ (дата обращения: 30.07.2026).
5. Баранова А., Вострецова Ю. Вложения в будущее. Новые производства обеспечат развитие малых городов Свердловской области и рост уровня жизни // Российская газета. 18 декабря 2025. URL: https://www.rg.ru/amp/2025/12/18/reg-urfo/vlozheniia-v-budushchee.html#1 (дата обращения 21.07.2026).
6. Бехманн Г. Общество знания – трансформация современных обществ // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; Отв. ред. Д.В. Ефременко – М., 2010. – С. 39-65.
7. Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf/ (дата обращения: 27.07.2026).
8. Захаров А.В. Повышение качества архитектурной среды и системы социальной инфраструктуры как основа стратегии устойчивого развития территорий региона // Объектно-пространственное проектирование уникальных зданий и сооружений. Сборник материалов I научно-практического форума «SMARTBUILD», к 100-летию строительного образования в Ивановской области и создания инженерно-строительного факультета Иваново-Вознесенского политехнического института. – 2018. – С. 61-64. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37241283 (дата обращения: 30.06.2026).
9. Захаров А.В. Системы социальной инфраструктуры как основа стратегии устойчивого развития территорий регионов. Иваново: ПресСто, 2024. 75 с.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
11. Коростелева Л.Ю. Сфера образования малых городов: проблемы и перспективы // Социокультурный потенциал малых городов России: сборник статей / Отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – С. 85-97. URL: https://www.isras.ru/publ.html?id=11246 (дата обращения 22.07.2026).
12. Костина А.О. Сравнительный анализ концепций городского пространства А. Лефера и М. Кастельса. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-kontseptsiy-gorodskogo-prostranstva-a-lefera-i-m-kastelsa (дата обращения 21.07.2026).
13. Креативность – не предел. Эксперты, представители власти и бизнеса обсудили перспективы развития муниципалитетов Прикамья // Коммерсантъ. 27 августа 2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8909813?erid=F7NfYUJCUneVdxBrCQ6K (дата обращения 21.07.2026).
14. Лефевр А. Производство пространства. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
15. Малые города в социальном пространстве России / Отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 545 с.
16. Малые города России: каркас расселения или зона риска? URL: https://cmokhv.ru/materials/mat20260501-m (дата обращения: 29.06.2026).
17. Михайлов А.А., Валькевич С.И., Шашнева Е.Н. Социокультурная динамика развития малого города (на примере г. Шуя Ивановской области): роль культурных и образовательных институций // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2022. – № 3 (43). – С. 98-103. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-dinamika-razvitiya-malogo-provintsialnogo-goroda-na-primere-g-shui-ivanovskoy-oblasti-rol-kulturnyh-i/viewer (дата обращения: 05.07.2026).
18. Михайлов А.С., Кузнецов Т.Ю., Пекер И.Ю. Методы пространственной наукометрии в оценке неоднородности инновационного пространства России // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 5(41). – С. 549-563. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-

prostranstvennoy-naukometrii-v-otsenke-neodnorodnosti-innovatsionnogo-prostranstva-rossii/viewer (дата обращения: 05.07.2026).
19. Москалёв И.Е. Качественные характеристики социальных изменений в контексте общества знания // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2010. – С. 98-108.
20. Основы экономического поведения и благосостояния населения: мотивы, факторы, ожидания: [монография] / О. А. Александрова, О. А. Алексеева [и др.] ; отв. ред. А. В. Ярашева ; ИСЭПН ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2024. – 351 с.
21. Пономаренко П. Драйвер роста: чем промышленность сегодня помогает малым городам Урала // Комсомольская правда. 10 июля 2025 г. URL: https://www.chel.kp.ru/daily/27722/5111272 (дата обращения 21.07.2026).
22. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/ (дата обращения: 27.07.2026).
23. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2025. URL: https://riarating.ru/infografika/20260224/630292498.html (дата обращения: 27.07.2026).
24. Смирнов О. О., Безвербный В. А. Потенциал развития секторов экономики малых городов России: современные тенденции // Социум и власть. – 2022. – № 1 (91). – С. 62-74.
25. Социологический энциклопедический словарь. – М.: Издательская группа ИНФРА-М НОРМА, 1998. – 488 с.
26. Фрэнк Д., Майер Дж. Экспансия университетов и общество знания // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; Отв. ред. Д.В. Ефременко – М., 2010. – С. 213-218.
27. Харви Д. Социальная справедливость и город. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 440 с.
28. Химический лицей для одаренных детей открылся в Зеленодольском районе РТ. URL: https://tatarstan.ru/index.htm/news/229953.htm (дата обращения: 30.06.2026).
29. Число малых и средних городов в России будет неуклонно сокращаться – Набиуллина // Единая Россия. Федеральный сайт. 08 декабря 2011 г. URL: https://er.ru/activity/news/chislo-malyh-i-srednih-gorodov-v-rossii-budet-neuklonno-sokrashatsya-nabiullina (дата обращения: 30.06.2026).
30. Широкалова Г.С. Малые города: итоги борьбы двух позиций // Вестник Института социологии. – 2023. – Том 14. № 4. – С. 234-250.
31. Щукина К. Как бизнес, власть и жители перезапустили малый город // Эксперт. 13 июля 2025. URL: https://expert.ru/goroda/ne-tolko-zavod#1 (дата обращения 21.07.2026).

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ РИСКА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО КОМПОНЕНТА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

Хвостова С.Г.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF RISK AS A FUNDAMENTAL COMPONENT OF THE INFORMATION AGE

Khvostova S.G.

Аннотация. В статье обосновывается, что в 80-е годы XX века доминирующей тенденцией развития современной цивилизации становится переход многих передовых стран мира от постиндустриального к информационному обществу, в котором знание является источником динамизма и инноваций, механизмом обретения власти и основой

социальной организации. По мнению автора, поэтому не собственность, а знание, информация и их производство приобретают статус главной основы постиндустриального общества.

Abstract. The article substantiates that in the 80s of the twentieth century, the dominant trend in the development of modern civilization is the transition of many advanced countries of the world from a post-industrial to an information society, in which knowledge is a source of dynamism and innovation, a mechanism for gaining power and the basis of social organization. According to the author, therefore, not property, but knowledge, information and their production acquire the status of the main basis of post-industrial society.

Ключевые слова: природа, общество, информация, личность, знание, сознание.
Keywords: nature, society, information, personality, knowledge, consciousness.

Становясь все более рефлексивным, знание ложится в основу критического анализа и изменения способа организации жизни индивидов и социальных групп. Организационно-технологической основой информационного общества становятся глобальные информационные сети. Однако с развитием информационно-коммуникационной среды общественной жизни все более очевидными представляются не калькулируемые последствия так называемой третьей волны, обозначающей, по Э. Тоффлеру, информационное общество.

Поколебленная надежность всех существовавших до настоящего времени основ познания, изменчивость знания как такового и, наконец, подрыв доверия к науке, не всегда адекватно и честно информирующей общественность о всевозможных угрозах, не только не снимают неопределенность на социетальном уровне, но значительно ее обостряют. Следовательно, подразумевается, что сама научная информация может служить источником угроз. Появилось понятие опасное знание – полученная в ходе научных исследований информация о человеке и окружающей среде, отрицательные последствия которой общество на данной фазе своего развития не способно эффективно контролировать.

Опасное знание – предпосылка возникновения и источник социального риска. Концепт опасного знания содержит в себе необходимость осмысления того факта, что знание несет в себе возможность негативного воздействия на жизнедеятельность и состояние людей, их институтов и общностей, а также опасности проникновения в биологическую природу человека, что требует научного определения допустимых рисков и пределов такого проникновения.

Многие риски в настоящее время оцениваются как скрытые, латентно протекающие. Скрытый риск во много раз опаснее, поскольку его практически невозможно предотвратить и заранее просчитать масштабы его последствий. С латентностью риска напрямую связана такая его новая черта, как компактность: риски становятся удобными в использовании и распространении, особенно в виртуальном пространстве.

Примером такого риска может служить применение компьютерного вируса, целевым результатом работы которого является не просто искажение информации, а реальное физическое воздействие, которое разрушает или выводит из строя дорогостоящее оборудование стратегического назначения. Потенциально такие атаки способны привести к катастрофическим последствиям.

Наступление эпохи знаний и формирование мирового информационного пространства совпали с протекающими в экономике, науке, культуре процессами глобализации. Эти процессы потребовали эффективным орудием манипуляции массовым сознанием во имя корпоративных интересов тех или иных социально-политических сил или коммерческих кругов.

Результатом воздействия несущих такого рода информацию средств является не

только социально-психологический тип и поведение отдельных индивидов или групп, но и особое общественное сознание, отражающее национальный менталитет. Представляя собой не статическое или сиюминутное явление, а социальный процесс, социальная информация оказывает долговременное влияние на общество и его сегменты, «… в соответствии с историческими потребностями … социальной группы …» [2, с. 45-50], «что … обусловлено полиэтничным и поликонфессиональным характером …» [5, с. 64-73].

В этом обществе информация, связанная с созданием, воспроизведением и хранением смыслов, приобретает решающую роль. Формой хранения информации является симулякр (копия, не имеющая оригинала в реальности) как модель реального объекта или события. Современный человек теряет связь с реальным миром. Он живет среди моделей-симулякров. В результате противоположность настоящего и искусственного исчезает. В политике благодаря репродуцированию идеологий снимается различие между правым и левым, в науке – между истинным и ложным. Средства массовой информации охотятся за сенсациями или искусственно их создают. В предшествующих типах общества имелась вера – сначала религиозная, потом научная, которая давала представление о конечной цели. В информационную эпоху технологическое развитие привело к тому, что внимание переключилось с целей на средства. Не поиск истины, а решение статусных проблем стало главным.

Создание новой информационно-коммуникационной виртуальной среды приводит к возникновению целого ряда антропологических рисков. Прежде всего это риск утраты идентичности. Организующим принципом культурной жизни человека в информационном обществе становится принцип трансформации. Игровая деятельность пронизывает все сферы социальной жизни. Она считается тем многограннее и эффективнее, чем более раскрепощена психика. Освобожденная от традиционных запретов психика получает возможность реализовать себя самым невероятным образом.

Конструирование действительности становится основополагающим свойством человека, влияющего на « … формирование личности на рубеже культур» [3, с. 25-30], способствуя «повышению … культурного уровня всех членов общества» [1, с. 18-23], позволяя «совместно достигать поставленных высоких целей и нравственного совершенства» [6, с. 229-237]. Новый человек изменяет стержневую основу, жизнь превращается в смену образов, в набор ролей, продуцируемых сознанием человека под влиянием массмедиа. Противоречивая сущность антропологического риска утраты идентичности проявляется в том, что, с одной стороны, личность человека становится многограннее, расширяется возможность выбора и творческих экспериментов, а с другой стороны, теряется связь с реальным миром, размывается представление о собственном статусе, целях и смысле жизни.

В начале XXI века акцент в анализе социальных реалий информационного общества сместился в сторону интереса к знаниям как особому виду информации. Для того чтобы быть успешным в современном мире, необходимо достаточно быстро обновлять имеющиеся знания и виды деятельности. В связи с этим возникают специфические риски, которые можно было бы назвать антропологическими рисками гиперактивности. Они связаны с тем, что специалист на рынке труда вынужден постоянно менять профиль деятельности, чтобы быть востребованным. Информационное общество требует систематического повышения квалификации. Информационные технологии и связанный с ними характер деятельности меняются столь быстро, что речь идет о необходимости непрерывного обучения в течение всей жизни. Обучающийся сам выбирает тот или иной стандарт обучения.

Одной из важнейших проблем является выработка особых качеств, связанных с постоянным переобучением и своего рода перепрограммированием самого себя в зависимости от меняющихся потребностей интенсивно развивающейся деловой среды.

Испанский социолог Мануэль Кастельс вводит особое понятие

«самопрограммирующаяся рабочая сила», которое достаточно точно отражает потребности информационного общества. Возникает необходимость непрерывного обучения: накопленный работником запас знаний и информации может расширяться и видоизменяться на протяжении всей трудовой жизни. В результате от специалиста требуется не просто освоение определенного знания, а в первую очередь владение методологией поиска нового. В современном обществе достаточно сложно определить, какой фрагмент имеющегося знания понадобится специалисту для решения той или иной нестандартной проблемы. В поисках компенсации привлекаются значительные массивы информации. Знание теряет системность и целостность, часто превращаясь в мозаичный набор отдельных фрагментов, обеспечивающих те или иные срезы деятельности [4].

Расширение знания ведет к потребности нового знания, что порождает парадоксальную ситуацию постоянного дефицита знания. В этом смысле информационное общество является хронически не доинформированным.

Кризисные явления, охватившие все сферы общественной жизни, сливаются в общую картину комплексной трансформации человечества, его перехода в качественно новое и еще не понятное нам состояние. Поскольку неизвестность пугает сильнее любой определенной угрозы, будущее обсуждается в основном в категориях проблем, а не возможностей. Если на протяжении всей своей истории человечество меняло окружающий мир, то теперь вектор развития разворачивается: человечество начинает заниматься изменением себя самого.

На поверхности эти фундаментальные изменения проявляются через стихийное повсеместное приспособление социальных отношений, соответствующих индустриальным технологиям, к идущим им на смену качественно новым постиндустриальным технологиям. Пока это в основном информационные технологии, но основной их особенностью, вероятно, будет нацеленность на преобразование человека – как сознания, так и тела, а главное – на расширение психоэнергетических возможностей. Пока человек менял окружающий мир, он нуждался в максимально точном знании о нем. Когда же главным делом становится изменение своего сознания, сфера приоритетов сжимается с науки, изучающей все сущее, до узкого круга людей, изучающих методы воздействия на сознание.То, что объектом изучения стал сам инструмент этого изучения – сознание человека, порождает огромное количество обратных связей, резко снижающее познаваемость объекта. В результате работа с сознанием переориентируется с поиска истины на достижение конкретного результата, с изучения реальности на изучение возможностей манипулирования. Научный подход в этой ситуации пересматривается, а с ним пересматривается роль науки и обеспечивающее ее образование в их классическом виде эпохи научно-технической революции [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Берковский В.А., Кулешин М.Г., Леонова Н.А. Профилактика правонарушений обучающихся: комплексный подход к исследованию проблемы // Kant. – 2018. – №3(28). – С. 18-23.
2. Коломыцева К.С., Нехаева О.А. Этнокультурологический аспект развития системы образования // Научный альманах стран Причерноморья. – 2023. – №1(33). – С. 45-50.
3. Коломыцева К.С., Нехаева О.А. Билингвизм в контексте родного языка: культурно-исторический аспект развития // Научный альманах стран Причерноморья. – 2024. – Т. 10. – №1. – С. 25-30.
4. Кастельс Мануэль. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Немашкалов П.Г., Шебзухова Т.А. Духовное образование и просвещение как фактор консолидации российского общества в XIX – нач. XX вв. (на примере Северного Кавказа) // История: факты и символы. – 2025. – №4(45). – С. 64-73.

6. Немашкалов П.Г., Шебзухова Т.А. Положение женских монастырей Ставропольской (Кавказской) епархии в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. – 2025. – Т. 12. – № 2. – С. 229-237.
7. Тимошек И. Н. Деятельностно-целевая методология для проектирования содержания подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре / И. Н. Тимошек, А. Н. Бескопыльный. – Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2026. – 137 с.

УДК 1

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Корчак К.И., Удальцов О.Ю.

COLLECTIVE MEMORY AS A SOCIOCULTURAL MECHANISM OF IDENTITY FORMATION IN MODERN SOCIETY

Korchak K.I., Udaltsov O.Yu.

Аннотация. В статье утверждается, что коллективная память является одним из ключевых культурных механизмов, обеспечивающих устойчивость и воспроизводство социума во времени. По мнению авторов, в отличие от индивидуальной памяти, связанной с личным опытом и биографией отдельного субъекта, коллективная память формируется в пространстве социальных взаимодействий и закрепляется в символических формах культуры.

Abstract. The article argues that collective memory is one of the key cultural mechanisms that ensure the stability and reproduction of society in time. According to the authors, unlike individual memory associated with personal experience and the biography of an individual subject, collective memory is formed in the space of social interactions and is fixed in symbolic forms of culture.

Ключевые слова: культура, социум, общество, общественное сознание, память, культурные традиции, социальная интеграция.

Keywords: culture, society, society, social consciousness, memory, cultural traditions, social integration.

Коллективная память включает в себя представления о прошлом, которые разделяются социальной группой и служат основанием для формирования общей идентичности, ценностных ориентиров и моделей интерпретации исторической реальности. Осмысление прошлого, репрезентированное в символических практиках коллективной памяти, составляет глубинный уровень в структуре любой культуры и является фундаментальным принципом ее построения. Коллективные представления о прошлом расширяют темпоральный горизонт сообщества, транслируя исторический опыт от поколения к поколению, и выступают первоисточником для сохранения идентичности и консолидации нации, особенно в ситуациях кризиса и социальных трансформаций. Амбивалентность коллективной памяти состоит в том, что она, с одной стороны, представляет собой основу для конструирования фундаментального нарратива консолидации нации, в котором сообщество обретает способность к рефлексии и созданию собственного образа. С другой стороны, память сознательно допускает искажение истории и содержит в себе скрытую угрозу для межнациональных

конфликтов и войн памяти. Коллективная память как некое общее знание, репрезентированное в сознании сообщества, содержит этические коннотации, которые становятся культурным кодом и выступают неким императивом, на основании которого формируются совместные действия и траектория будущего развития группы.

Коллективная память выступает не просто как хранилище знаний о прошлом, но как активный процесс конструирования смысла, тесно связанный с актуальными социальными и культурными запросами.

Прошлое в рамках коллективной памяти никогда не существует в чистом виде. Оно всегда опосредовано настоящим и интерпретируется с позиции текущих социальных интересов, идеологических установок и культурных норм. Социум не воспроизводит прошлое буквально, а выбирает, упорядочивает и символически оформляет отдельные события, придавая им статус значимых или, напротив, вытесняя их на периферию общественного сознания. Этот селективный характер коллективной памяти обусловлен тем, что она выполняет нормативную функцию, задавая рамки допустимого понимания истории и формируя представления о социально желаемом будущем. Культура играет решающую роль в институционализации коллективной памяти. Именно через культурные формы – язык, мифы, ритуалы, памятники, художественные образы и медиа – прошлое становится частью повседневного опыта.

Культурная репрезентация исторических событий придаёт им эмоциональную насыщенность и символическую значимость, что способствует их укоренению в общественном сознании. При этом культура не просто транслирует готовые образы прошлого, но активно участвует в их переосмыслении, адаптируя исторические нарративы к изменяющимся социальным условиям, определяющим развитие современного общества знания. При этом пересматривается роль науки и обеспечивающее ее образование в их классическом виде эпохи научно-технической революции [7]. Особое внимание здесь необходимо обращать на « … формирование личности на рубеже культур» [5, с. 25-30], «… в соответствии с историческими потребностями … социальной группы …» [4, с. 45-50], определяющей, в конечно счете, развитие всей общественной системы.

Творческое усвоение знаний и способов мыслительной деятельности [6, с. 109-119], опредмеченных в этих знаниях, возможно только путем разрешения противоречий познания, при получении и преобразовании научной информации [1, с. 30-34], что «связанно с осмыслением современной реализации принципов общественного развития» [8, с. 41-47], которые определяются «сложным взаимодействием различных видов социальной коммуникации» [2, с. 95-100], способствуют «повышению … культурного уровня всех членов общества» [3, с. 18-23].

Социальная природа коллективной памяти проявляется в том, что она всегда связана с конкретными группами и сообществами. Различные социальные группы могут по-разному интерпретировать одни и те же исторические события, формируя конкурирующие версии прошлого. Эти различия отражают не только разнообразие культурных традиций, но и асимметрию власти в социуме. Доминирующие группы, обладающие доступом к институциональным ресурсам, как правило, имеют больше возможностей для закрепления собственной версии коллективной памяти в официальном дискурсе. Таким образом, память становится пространством символической борьбы, в рамках которой решается вопрос о том, какое прошлое будет признано общезначимым.

Философское осмысление коллективной памяти позволяет выявить её онтологический и эпистемологический статус. С одной стороны, память укоренена в материальных носителях культуры – текстах, архитектуре, визуальных образах, – с

другой стороны, она существует как процесс интерпретации и актуализации смыслов. Коллективная память не может быть сведена ни к объективному знанию истории, ни к субъективным переживаниям отдельных индивидов. Она занимает промежуточное положение, выступая формой социального сознания, в которой переплетаются знание, ценности и эмоции. Данный подход позволяет рассматривать память как динамическую структуру, постоянно находящуюся в состоянии пересмотра и переосмысления.

В условиях модернизма и, особенно в контексте ускоренных социальных изменений коллективная память приобретает особую значимость. Разрыв с традиционными формами передачи опыта, характерный для современного общества, приводит к ослаблению преемственности между поколениями. В этой ситуации культура памяти становится одним из немногих механизмов, способных обеспечить символическую связь между прошлым, настоящим и будущим. Однако эта связь всё чаще носит фрагментарный и медийный характер, что влияет на глубину и устойчивость коллективных представлений о прошлом. К развитию современного общества добавились Интернет-ресурсы и сайты памяти, многократно увеличив число и многообразие способов сохранения коллективных воспоминаний. В цифровую эпоху к сохранению памяти оказались причастны не только государственные организации, но и акторы гражданского общества. Сама структура коллективной памяти и отношения с прошлым подверглись изменениям вследствие технологических достижений, которые привели к возникновению новых темпоральных структур.

В современной социальной реальности и культуре восприятие информации стало следствием сокращения временных горизонтов, снижения концентрации внимания и насыщенностью времени и места. Структуры памяти, которые всегда отвечали за реконструкцию прошлого, в настоящее время значительно интенсивно и экстенсивно опосредованы средствами массовой информации. Цифровая трансформация общества существенно изменила формы существования и трансляции коллективной памяти. Цифровые медиа расширили возможности хранения и распространения информации, превратив память в глобально доступный ресурс. Вместе с тем они изменили саму логику мемориальных процессов. Память в цифровом социуме становится децентрализованной, многоголосой и подверженной постоянным изменениям. Исторические нарративы всё чаще формируются не только академическими или государственными институтами, но и сетевыми сообществами, что усиливает плюрализм интерпретаций, но одновременно затрудняет формирование устойчивого коллективного консенсуса. Социокультурные последствия этих изменений носят противоречивый характер. С одной стороны, цифровая культура памяти способствует демократизации исторического знания, предоставляя возможность для выражения альтернативных точек зрения и ранее маргинализированных голосов. С другой стороны, ускорение информационных потоков и поверхностный характер потребления контента приводят к тому, что память всё чаще принимает форму фрагментов, лишённых контекстуальной глубины. Прошлое превращается в набор символов и образов, используемых в актуальных дискурсивных целях, что усиливает риск манипуляции историческим сознанием. Коллективная память тесно связана с процессами формирования идентичности. Через обращение к общему прошлому социум конструирует представления о своём происхождении, ценностях и исторической миссии. Эти представления играют важную роль в процессе социальной интеграции, поскольку позволяют индивидам ощущать свою принадлежность к более широкой общности. Однако в условиях культурного многообразия и глобализации единая коллективная память становится

всё менее достижимой. Вместо неё формируется множественность пересекающихся мемориальных пространств, отражающих разнообразие социальных опытов и культурных перспектив.

Философский анализ коллективной памяти также выявляет её нормативный потенциал. Память не только описывает прошлое, но и задаёт моральные ориентиры, определяя, какие события подлежат осуждению, а какие – героизации. В этом смысле культура памяти выполняет этическую функцию, влияя на общественные представления о справедливости, ответственности и исторической вине. Данные аспекты приобретают особую актуальность в обществах, переживших травматический исторический опыт, где память становится пространством работы с коллективной травмой и поиска символического примирения.

Таким образом, коллективная память представляет собой сложный социокультурный феномен, находящийся на пересечении культуры, социума и философии. Она не является пассивным отражением прошлого, а выступает активным механизмом социального конструирования реальности. Через социальные практики памяти общество осмысляет свой исторический опыт, формирует идентичность и вырабатывает ориентиры для будущего развития. В условиях современного мира, характеризующегося ускорением изменений и кризисом традиционных форм смыслообразования, анализ коллективной памяти становится необходимым условием понимания глубинных процессов, определяющих динамику культуры и социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян В. В., Лукьянов Г. И., Тронина Л. А. Социально-философские аспекты научной информации в обществе // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – №3(106). – С. 30-34.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 3-1. – С. 95-100.
3. Берковский В. А., Кулешин М. Г., Леонова Н. А. Профилактика правонарушений обучающихся: комплексный подход к исследованию проблемы // Kant. – 2018. – №3(28). – С. 18-23.
4. Коломыцева К. С., Нехаева О. А. Этнокультурологический аспект развития системы образования // Научный альманах стран Причерноморья. – 2023. – №1(33). – С. 45-50.
5. Коломыцева К. С., Нехаева О. А. Билингвизм в контексте родного языка: культурно-исторический аспект развития // Научный альманах стран Причерноморья. – 2024. – Т. 10. – №1. – С. 25-30.
6. Руденко А. М., Греков И. М., Камалова О. Н. Теоретико-методологические и философские аспекты исследования творчества // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 109-119.
7. Тимошек И. Н. Деятельностно-целевая методология для проектирования содержания подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре / И. Н. Тимошек, А. Н. Бескопыльный. – Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2026. – 137 с.
8. Kuleshin M., Leonova N., Nemashkalov P. Historical consciousness as a part of national consciousness: to the problem statement of the research // Science Almanac of Black Sea Region Countries. – 2019. – №1(17). – С. 41-47.

МНЕНИЯ, ФАКТЫ

УДК 614

УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ И ВОСПРИЯТИЕ СИСТЕМЫ ОМС

Ермилова А.Н., Горбунова А.В., Калинин А.Г.

POPULATION SATISFACTION WITH THE QUALITY OF MEDICAL SERVICES AND PERCEPTION OF THE COMPULSORY HEALTH INSURANCE SYSTEM

Ermilova A.N., Gorbunova A.V., Kalinin A.G.

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования удовлетворённости населения г. Архангельска качеством медицинских услуг и восприятия системы обязательного медицинского страхования. В анализ включены 405 анкет респондентов в возрасте от 18 до 74 лет. Средний интегральный балл амбулаторной помощи составил 3,61 из 6, стационарной помощи – 4,03 из 6, при этом наиболее низкие оценки были связаны с ожиданием консультации врача-специалиста и диагностических исследований. Доверие к системе обязательного медицинского страхования выразили 55,1% респондентов, а достаточным уровень помощи признали 40,1%. Наиболее частыми проблемами оказались отсутствие нужного специалиста и длительное ожидание записи или обследования, это согласуется с высокой долей обращений к платной медицинской помощи по причинам доступности. Выявлена статистически значимая связь между удовлетворённостью амбулаторной помощью и благоприятным восприятием обязательного медицинского страхования (ρ=0,582; $p<0,001$), что позволяет рассматривать качество первичного обращения в медицинскую организацию как важный фактор общественного доверия.

Abstract. The article presents the results of a cross-sectional sociological study of population satisfaction with medical services and perception of compulsory health insurance in Arkhangelsk. The analysis included 405 questionnaires from respondents aged 18 to 74 years. The mean integrated score for outpatient care was 3.61 out of 6, while the corresponding score for inpatient care was 4.03 out of 6; the lowest scores were related to waiting for specialist consultations and diagnostic tests. Trust in the compulsory health insurance system was reported by 55.1% of respondents, whereas 40.1% considered the level of care under compulsory health insurance sufficient. The most frequent barriers were the absence of a required specialist and prolonged waiting for appointments or examinations, which was consistent with the prominent role of accessibility in the use of paid medical care. Satisfaction with outpatient care was significantly associated with a more favorable perception of compulsory health insurance (ρ=0.582; $p<0.001$).

Ключевые слова: удовлетворённость населения, качество медицинской помощи, медицинские услуги, обязательное медицинское страхование, доступность медицинской помощи, диспансеризация, самолечение, платная медицина, Архангельск.

Keywords: population satisfaction, quality of medical care, medical services, compulsory health insurance, access to medical care, preventive medical examination, self-treatment, paid medical care, Arkhangelsk.

Удовлетворённость населения медицинской помощью относится к числу интегральных показателей, которые отражают клинический результат наряду с

доступностью, организацией маршрута пациента, качеством коммуникации и соответствием полученной помощи ожиданиям граждан. Исследования подчёркивают, что данный показатель имеет ценность, поскольку позволяет выявлять дефициты, которые часто остаются вне поля сугубо ведомственной статистики [4, 6, 8, 10]. В условиях обязательного медицинского страхования (ОМС) особое значение приобретает связь между опытом получения помощи и доверием к самой системе ОМС: для гражданина качество системы проявляется прежде всего через возможность своевременно попасть к врачу, пройти диагностику, получить понятные назначения и избежать вынужденных расходов.

Данные последних лет показывают, что удовлетворённость медицинской помощью неоднородна и зависит от доступности первичного звена [1], социально-демографических характеристик [2], страховой медицинской грамотности [3] и наличия альтернативных каналов обращения за помощью [7]. В исследованиях неудовлетворённых потребностей в медицинской помощи значимую роль играют организационные барьеры, личные представления о здоровье и удобство получения услуг [5, 3]. Развитие платных медицинских услуг к тому же меняет поведение граждан: часть граждан продолжает обращаться к государственным медицинским организациям, но использует платные услуги как способ быстрее получить диагностику, консультацию или более удобное время приёма [9].

Цель исследования состояла в оценке удовлетворённости взрослого населения г. Архангельска качеством медицинских услуг и анализе восприятия системы ОМС на основе результатов анкетирования. Задачи включали определение уровня удовлетворённости амбулаторной и стационарной помощью, выявление структуры проблем при получении помощи по полису ОМС, оценку доверия к системе ОМС, анализ профилактической активности, практик самолечения и мотивов обращения к платной медицинской помощи.

Проведено описательно-оценочное поперечное исследование методом анонимного электронного анкетирования. Объектом исследования являлось взрослое население г. Архангельска, застрахованное в системе обязательного медицинского страхования и имеющее потенциальный или фактический опыт взаимодействия с государственными амбулаторно-поликлиническими и стационарными медицинскими организациями. В исследование включались лица от 18 лет и старше при наличии добровольного информированного согласия. Итого было собрано 405 наблюдений.

Анкета была подготовлена согласно Приказа Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 28 апреля 2023 г. N 76 «Об утверждении Методики организации и проведения страховыми медицинскими организациями выборочного опроса (анкетирования) застрахованных по обязательному медицинскому страхованию лиц для оценки их удовлетворенности деятельностью медицинских организаций» и включала четыре содержательных модуля. Первый модуль оценивал амбулаторную и стационарную помощь по шестибалльной шкале от абсолютной неудовлетворённости до абсолютной удовлетворённости. Второй модуль был посвящён восприятию ОМС, включая доверие, оценку возможности получить качественную бесплатную помощь, общее отношение и достаточность уровня медицинской помощи. Третий модуль отражал профилактическую активность, диспансеризацию, осведомлённость о перечне исследований по ОМС, выполнение врачебных назначений и распространённость самолечения. Четвёртый модуль оценивал частоту собственных расходов на медицинские услуги, мотивы обращения в платные клиники и отношение к платной медицине.

Исследование было рассмотрено локальным этическим комитетом университета. Участие было добровольным, перед заполнением анкеты респондент получал информацию о цели исследования, конфиденциальности данных и праве отказаться от

участия без последствий для получения медицинской помощи. Анализ проводился по обезличенному массиву ответов.

Женщины составили 356 человек (87,9%), мужчины – 49 человек (12,1%). Средний возраст респондентов составил 43,6 ± 12,6 года, медиана – 46 лет, межквартильный интервал – 36-53 лет. Среди участников 363 человека (89,6%) указали, что работают, 42 человека (10,4%) – что не работают. Возрастная структура включала 69 респондентов 18-29 лет, 60 – 30-39 лет, 133 – 40-49 лет, 110 – 50-59 лет и 33 – 60 лет и старше.

Статистическая обработка включала расчёт абсолютных и относительных частот, средних значений, стандартных отклонений и 95%-ных доверительных интервалов (ДИ), рассчитывались интегральные средние баллы амбулаторной и стационарной помощи при наличии достаточного числа заполненных пунктов. Благоприятное восприятие ОМС оценивалось по ответам, где более высокий балл отражал более доверительное и положительное отношение. Для сравнения двух независимых групп применялся U-критерий Манна-Уитни, для нескольких возрастных групп – критерий Краскела-Уоллиса, для связи порядковых и бинарных признаков – коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Различия считались статистически значимыми при $p<0,05$.

Интегральная оценка амбулаторной помощи составила 3,61 балла из 6 (95% ДИ 3,51-3,71), что ниже оценки стационарной помощи – 4,03 балла (95% ДИ 3,88-4,18). Среди амбулаторных параметров наиболее высоко оценено санитарно-гигиеническое состояние медицинской организации (4,15 балла, положительные оценки 4-6 баллов дали 79,8% участников), тогда как ожидание консультации врача-специалиста имело минимальную среднюю оценку (3,12 балла, положительные оценки – 40,7%). Ожидание диагностических исследований также находилось в зоне сниженной удовлетворённости (3,20 балла, положительные оценки – 43,5%). В стационарном блоке лучшие значения относились к информированию врачом и помощи в целом, по 4,21 и 4,21 балла соответственно. На рисунке 1 приведены результаты оценок качества амбулаторной и стационарной помощи по шестибалльной шкале.

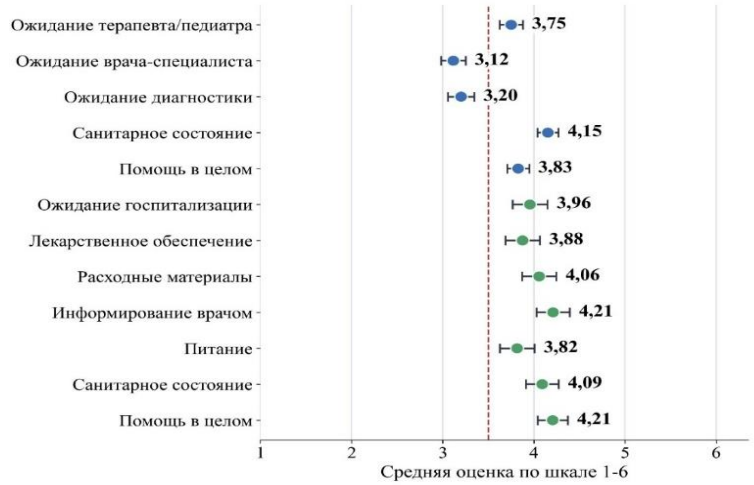

Рисунок 1. Оценка качества амбулаторной и стационарной помощи по шестибалльной шкале. Точки отражают средние значения, горизонтальные линии – 95% ДИ.

Наиболее часто отмечались отсутствие нужного специалиста в поликлинике (63,0%) и длительное ожидание записи на приём или обследование (60,2%). Необходимость доплачивать за услуги, которые должны быть бесплатными, указали 22,0% участников, сложности с документами или направлением – 14,3%, отказ в оказании бесплатной услуги – 9,4%.

Восприятие системы ОМС оказалось умеренно благоприятным, но внутренне противоречивым (рисунок 2). Доверие к системе ОМС выразили 55,1% респондентов,

положительное или скорее положительное отношение – 54,3%. При этом только 44,9% считали, что система ОМС позволяет получить качественную медицинскую помощь бесплатно, и 40,1% признали, что система обеспечивает необходимый уровень помощи. Интегральный показатель восприятия ОМС составил 2,57 балла из 4 (95% ДИ 2,50-2,64).

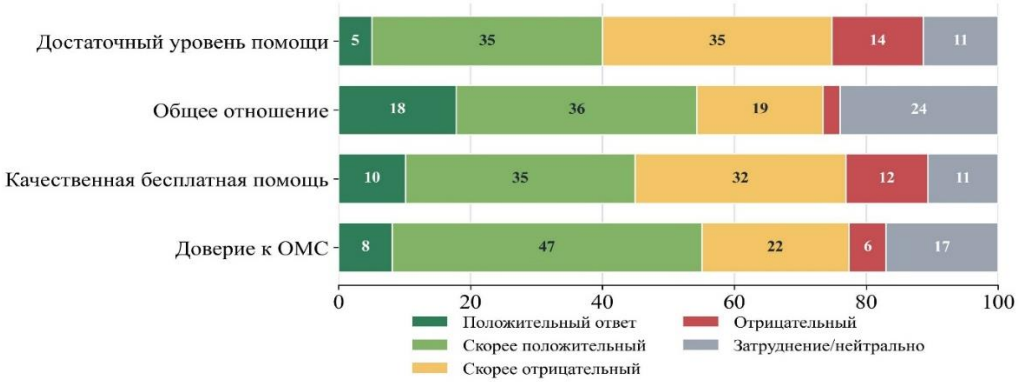

Рисунок 2. Распределение ответов, характеризующих восприятие системы ОМС.

Профилактическая активность участников была высокой по факту прохождения осмотров: 81,3% проходили профилактический медицинский осмотр или диспансеризацию в течение последних 12 месяцев, ещё 9,0% – в течение последних двух лет. Одновременно сохранялись выраженные барьеры регулярного профилактического поведения: среди указавших причину откладывания профилактических мероприятий 36,6% ссылались на нехватку времени или неудобный график, 28,2% – на недоверие к качеству осмотров по ОМС, 22,2% – на сложность записи и очереди. Пользу диспансеризации для предупреждения серьёзных заболеваний полностью или скорее признавали 74,5% респондентов.

Самолечение оставалось распространённой практикой: 49,0% участников занимались им практически всегда или часто, 46,3% – редко, 4,7% всегда обращались к врачу (рисунок 3). Основной причиной самолечения была экономия времени (53,6%), далее следовали уверенность в собственных знаниях о лечении лёгких заболеваний (23,7%), экономия денег (18,3%), недоверие к квалификации врачей или опасение лишних назначений (16,5%) и территориальная недоступность либо отсутствие нужного специалиста (15,3%). Только 21,4% хорошо знали, какие исследования входят в их возрастной перечень по ОМС, тогда как 52,5% имели лишь общее представление.

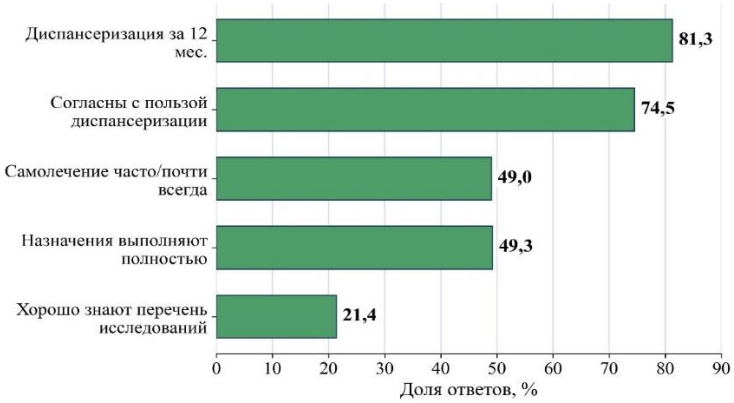

Рисунок 3. Ключевые показатели профилактической активности, приверженности назначениям и самолечения.

Собственные расходы на медицинские услуги, которые теоретически могли быть получены бесплатно по ОМС, были широко распространены. Регулярные расходы

указали 18,0% респондентов, несколько раз в год – 52,7%, однократно – 12,2%. Следовательно, хотя бы один эпизод такой оплаты за последние 12 месяцев имели 82,8% ответивших на данный вопрос. Наиболее частыми мотивами обращения в платные клиники были отсутствие нужного специалиста или диагностического оборудования по ОМС (53,3%), невозможность быстро записаться или длительное ожидание по ОМС (45,4%) и удобное время приёма при отсутствии очередей (32,6%). Отрицательное влияние развития платной медицины на качество бесплатной помощи отметили 56,1% участников, а платную медицину как вынужденную меру из-за недостатков государственной системы охарактеризовали 54,7%.

Возрастной анализ показал, что интегральная оценка амбулаторной помощи статистически значимо по возрастным группам не различалась (H=4,74; p=0,315), тогда как восприятие системы ОМС имело возрастную неоднородность. Наиболее высокое среднее значение интегрального показателя восприятия ОМС отмечено у респондентов 18-29 лет (2,83 балла), наиболее низкое — в группе 50-59 лет (2,45 балла). Частота оплаты медицинских услуг за собственный счёт также различалась между возрастными группами (χ^2=9,94; p=0,041). Максимум наблюдался в группе 40-49 лет (88,5%), минимум — среди лиц 60 лет и старше (74,2%). Увеличение возраста на 10 лет было связано со снижением шансов оплаты услуг за собственный счёт (95% ДИ 0,61-0,97; p=0,028), а более благоприятное восприятие ОМС имело тенденцию к снижению таких шансов (95% ДИ 0,39-1,04; p=0,069).

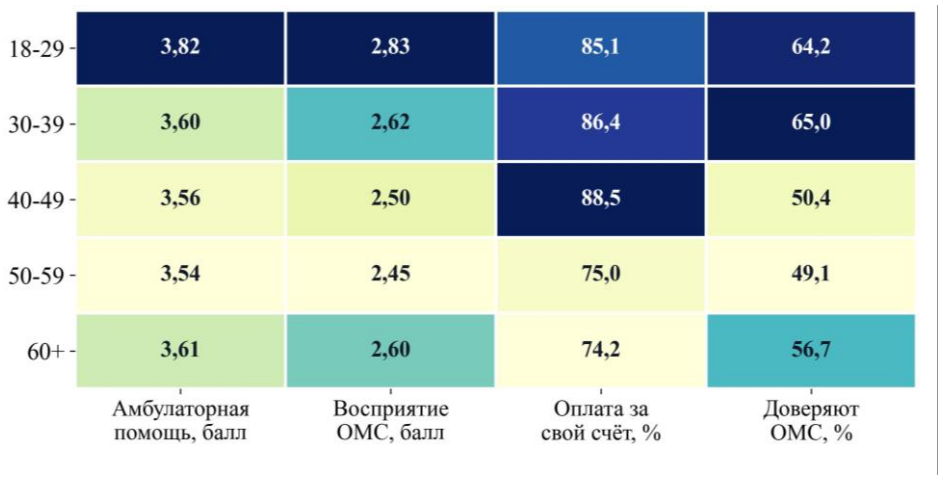

Рисунок 4. Возрастные различия интегральных оценок амбулаторной помощи, восприятия ОМС, частоты собственных расходов и доверия к системе ОМС. Цвет отражает относительное положение возрастной группы внутри каждого показателя.

Интегральная удовлетворённость амбулаторной помощью положительно коррелировала с благоприятным восприятием ОМС (ρ=0,582; p<0,001; n=386). Более низкая удовлетворённость амбулаторной помощью была связана с фактом оплаты медицинских услуг за собственный счёт (ρ=-0,119; p=0,018). По полу выявлены различия в оценке амбулаторной помощи: у мужчин средний интегральный балл составил 3,93, у женщин – 3,56, различие было статистически значимым по U-критерию Манна-Уитни (p=0,010). Возрастные группы различались по благоприятности восприятия ОМС (H=13,91; p=0,008), а возраст имел слабую отрицательную корреляцию с данным показателем (ρ=-0,175; p<0,001).

Полученные результаты показывают, что удовлетворённость качеством медицинских услуг в системе ОМС имеет выраженную организационную основу. Низкие оценки ожидания специалиста и диагностики, а также высокая частота указаний на отсутствие нужного специалиста совпадают с теми барьерами, которые в исследованиях описываются как значимые элементы неудовлетворённых потребностей

в медицинской помощи. Задержка записи, отсутствие специалиста и необходимость самостоятельной оплаты услуги воспринимаются как единая цепочка ограниченной доступности, даже если формально программа ОМС сохраняет право на бесплатное получение помощи.

Доля респондентов, доверяющих системе ОМС, превышала долю тех, кто считал обеспечиваемый системой уровень помощи достаточным. Это различие важно для интерпретации результатов: доверие к ОМС выходит за рамки общей поддержки бесплатной медицины, поскольку граждане оценивают систему через конкретный опыт, сроки ожидания и доступность специалистов. Практики самолечения и обращение к платным услугам в исследованной выборке следует рассматривать как адаптивные поведенческие стратегии при ограничениях времени, доверия и доступности. Высокая доля оплаты услуг за собственный счёт и ведущая роль причин, связанных с отсутствием специалиста или оборудования, согласуются с данными о росте значимости платного сектора и смешанных стратегий медицинской активности населения [9]. При этом распространённость профилактических осмотров в выборке была высокой, но осведомлённость о возрастном перечне исследований по ОМС оставалась ограниченной, что указывает на необходимость более адресного информирования граждан.

Возрастная и половая неоднородность проявлялась преимущественно в отношении к системе ОМС и финансовом поведении, а не в самой балльной оценке амбулаторной помощи. Более благоприятное восприятие ОМС в младших возрастных группах может быть связано с меньшим накопленным опытом сложных медицинских маршрутов, тогда как снижение частоты собственных расходов у старших респондентов может отражать иную структуру потребления помощи, финансовые ограничения или большую ориентацию на государственный сектор.

Ограничения исследования связаны с онлайн-форматом опроса, преобладанием женщин и работающих респондентов, а также региональной привязкой выборки к г. Архангельску. Полученные оценки являются субъективными и отражают восприятие респондентов, поэтому они дополняют ведомственные показатели фактической доступности медицинской помощи. Вместе с тем именно субъективная оценка населения имеет самостоятельную практическую значимость, поскольку она показывает, какие элементы медицинского маршрута снижают доверие к ОМС и стимулируют альтернативное поведение. Эти интерпретации требуют осторожности, поскольку онлайн-выборка имеет выраженное преобладание работающих женщин и не предназначена для прямой экстраполяции на всё население города.

В исследованной выборке населения г. Архангельска удовлетворённость медицинскими услугами по ОМС была умеренной и существенно различалась по компонентам медицинской помощи. Стационарная помощь оценивалась выше амбулаторной, а основными зонами сниженной удовлетворённости стали ожидание консультации врача-специалиста и проведение диагностических исследований. Доверие к системе ОМС выразили 55,1% респондентов, но достаточным уровень помощи признали только 40,1%, что свидетельствует о разрыве между нормативным представлением о бесплатной помощи и практическим опытом её получения.

Наиболее значимыми организационными проблемами были отсутствие нужного специалиста и длительное ожидание записи или обследования. Эти же факторы выступали ведущими мотивами обращения к платной медицинской помощи, что позволяет рассматривать платный сектор как вынужденный канал компенсации ограниченной доступности услуг по ОМС. Научная новизна исследования состоит в том, что на региональном материале г. Архангельска одновременно оценены три взаимосвязанных аспекта: удовлетворённость качеством медицинской помощи по ОМС, субъективное восприятие самой системы ОМС и поведенческие стратегии населения при организационных барьерах, включая самолечение и обращение к платной медицине. Практические меры должны быть направлены на сокращение сроков ожидания

консультаций и диагностики, развитие понятной маршрутизации пациента, усиление информирования о перечне бесплатных исследований и повышение страховой медицинской грамотности населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абубакиров А. С., Гусев А. И. Страховая медицинская грамотность и ее влияние на удовлетворенность пациентов качеством оказания медицинской помощи // Здоровье мегаполиса. 2024. Т. 5, № 3. С. 179-184. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i3;179-184.
2. Давитадзе А. П., Александрова Е. А., Родионова Т. И., Хабибуллина А. Р., Фомин В. В. Удовлетворенность населения качеством оказания медицинской помощи по результатам национального мониторинга общественного здоровья Российской Федерации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32, № 4. С. 762-771. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-4-762-771.
3. Давитадзе А. П., Родионова Т. И., Хабибуллина А. Р., Александрова Е. А. Неудовлетворённые потребности в медицинской помощи у населения России: результаты Мониторинга общественного здоровья в 2022 г. // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 20-36. DOI: 10.17323/demreview.v11i1.20930.
4. Кобякова О. С., Деев И. А., Тюфилин Д. С., Куликов Е. С., Табакаев Н. А., Воробьева О. О. Удовлетворенность медицинской помощью: как измерить и сравнить? // Социальные аспекты здоровья населения. 2016. Т. 49, № 3. С. 5. DOI: 10.21045/2071-5021-2016-49-3-5.
5. Назарова И. Б. Удовлетворённость пациентов качеством медицинской помощи в столичных поликлиниках // Народонаселение. 2025. Т. 28, № 2. С. 96-104. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-96-104.
6. Тюфилин Д. С., Чигрина В. П., Кобякова О. С., Деев И. А. Мировой опыт мониторинга удовлетворенности медицинской помощью: аналитический обзор // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32, № 2. С. 215-222. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-2-215-222.
7. Тюфилин Д. С., Чигрина В. П., Медведев В. А., Деев И. А., Кобякова О. С. Удовлетворенность медицинской помощью в Российской Федерации: факторы, влияющие на оценку // Менеджер здравоохранения. 2023. № 8. С. 68-80. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-8-68-80.
8. Чаргазия Л. Д., Шелегова Д. А., Выскочков В. С., Тюфилин Д. С., Шибалков И. П., Деев И. А., Кобякова О. С. Разработка и валидация однофакторного опросника «Удовлетворенность пациентов медицинской помощью» // Вестник Российской академии медицинских наук. 2023. Т. 78, № 3. С. 185-193. DOI: 10.15690/vramn2254.
9. Шабунова А. А., Нацун Л. Н. Доступность платных медицинских услуг для населения: дифференциация в разрезе доходных групп // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2023. № 4. С. 115-122. DOI: 10.25742/NRIPH.2023.04.019.
10. Шелегова Д. А., Тюфилин Д. С., Деев И. А., Кобякова О. С. Теоретический конструкт понятия удовлетворённости пациентов медицинской помощью // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2023. № 2. С. 1027-1047. DOI: 10.24412/2312-2935-2023-2-1027-1047.

УДК 37

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ МУЗЫКУ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Корешева С.Г., Гарафутдинова Н.А., Соловьев А.А.

PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH TROUGHT WARTIME MUSIC

Koresheva S.G., Garafutdinova N.Ya., Solovyov A.A.

Аннотация. Когда говорят о Великой Отечественной войне, чаще вспоминают танки, самолёты, стратегические операции. Но была ещё одна сила, незримо присутствовавшая на полях сражений – сила музыки. Она не пробивала броню и не стреляла снарядами, но её воздействие на человеческие души было не менее значимым, чем у самого мощного оружия.

Abstract. When the Great Patriotic War is discussed, tanks, aircraft, and strategic operations most often come to mind. Yet there was another force present—unseen—on the battlefields: the power of music. It did not pierce armor or fire shells, but its impact on the human soul was no less significant than that of the most powerful weapon.

Ключевые слова: патриотическое воспитание молодежи, музыка, военные песни, Победа.

Keywords: patriotic education of youth, music, military songs, Victory.

Война предстаёт перед нами в двух звуковых измерениях. Первое – оглушительное: рёв моторов, взрывы снарядов, скрежет гусениц. Второе – пронзительно-тихое: гармонь на привале, патефон в землянке, женский голос, поющий у костра. Именно это второе измерение часто становилось тем спасительным мостиком, который соединял измученные войной души с тем миром, за который они сражались – с миром человечности, любви, дома.

Патриотическая музыка военных лет превращала личную боль в коллективную силу, помогала сохранить человечность в нечеловеческих условиях, становилась звуковым памятником павшим, укрепляла веру в неизменную грядущую победу.

Особый феномен представляла собой фронтовая патриотическая исполнительская практика. Артисты, выступавшие на передовой, часто рисковали жизнью не меньше бойцов. Лидия Русланова дала концерт на ступенях Рейхстага в мае 1945 года – этот жест был глубоко символичен: искусство пришло туда, куда пришла Победа [10]. Клавдия Шульженко с её «Синим платочком» [6, 11] стала голосом всех ждущих женщин – матерей, жён, дочерей.

Интересно, что многие песни рождались спонтанно, в окопах и землянках, а потом уже получали профессиональную обработку. «В землянке» Алексея Суркова [4] изначально было письмом жене. «Огонёк» – творением неизвестного автора, подхваченным народом [14]. Это делает военную музыкальную культуру по-настоящему народным феноменом.

Патриотическая симфоническая музыка тоже внесла свой вклад. Седьмая симфония Шостаковича [2], написанная в блокадном Ленинграде и там же впервые исполненная, стала актом культурного сопротивления, доказавшим: даже в кольце блокады дух народа не сломлен.

Сегодня, слушая эти песни и мелодии, мы соприкасаемся не просто с искусством – мы прикасаемся к самой истории, к тем эмоциям и переживаниям, которые вдохновляли наших дедов и прадедов на подвиг. В этом – особая ценность

патриотической военной музыки: она позволяет нам не просто знать о войне, но и чувствовать её так, как чувствовали те, кто её пережил.

В тот июньский день 1941 года, когда на перроне Белорусского вокзала зазвучали первые аккорды «Священной войны» [1], произошло нечто большее, чем просто исполнение песни. В этот момент сама история заговорила голосом народа – грозным, полным боли и непоколебимой решимости. Александр Александров, написавший музыку за одну ночь, и Василий Лебедев-Кумач [3], вложивший в стихи всю ярость первых военных дней, создали не просто марш – они создали музыкальную икону войны, звуковую хоругвь, под которой шли в бой миллионы.

Эта патриотическая песня стала молитвой воюющего народа. Её суровые, как кованая сталь, аккорды не просто «поднимали дух» – они превращали личную боль каждого в коллективную силу. Когда хор пел «Вставай, страна огромная!», это был не призыв – это было откровение. В этих звуках слышался гул истории: так когда-то звонили колокола перед Куликовской битвой, так звучали трубы при Бородино. Музыка здесь стала продолжением земли русской – такой же необъятной, такой же непобедимой.

А потом была «Катюша» [13]. Казалось бы – простая лирическая песня о любви. Но именно в этой простоте скрывалась её бездонная глубина. В дни, когда смерть стала будничной, когда мир раскололся на «до» и «после», «Катюша» напоминала: где-то ещё существует яблони цвет, ещё пахнут луга, ещё ждёт девушка у высокого берега. Она стала музыкальным воплощением того, за что сражались – не за абстрактные «идеалы», а за право на эту простую, земную любовь.

Не случайно именно «Катюшу» пели партизаны в белорусских лесах, не случайно её мелодию писали на снарядах «сталинских органов». В этом был глубокий символизм: оружие, названное женским именем, несло не смерть, а очищение. Каждый залп этих миномётов был как бы продолжением песни – они «пели» свою страшную партитуру войны, но в основе их гула всё равно была та самая мелодия о девушке, ждущей на берегу.

Эти две песни – «Священная война» и «Катюша» – стали двумя полюсами военной музыкальной вселенной. Между ними – вся палитра человеческих переживаний: гнев и нежность, ярость и тоска, решимость и грусть. Но вместе они создавали ту самую патриотическую «музыку сопротивления», которая, по слову Анны Ахматовой [8], рождалась «из подземного гула, из недр народных». Священные ноты и песни войны становятся исповедью и молитвой воюющего народа.

Сегодня, слушая эти песни, мы соприкасаемся не просто с памятниками искусства – мы прикасаемся к сакральному звучанию народной души в её самый трагический и самый великий час. В них – та самая «русская идея», о которой говорили философы: когда защита Родины становится не долгом, а естественным состоянием души, когда любовь к родной земле сильнее страха смерти.

Эти ноты действительно священны – они написаны кровью сердца, они прошли через огонь и сохранились, чтобы напоминать: есть вещи, которые громче любых снарядов, сильнее любых армий. Это музыка, которая не кончается последним аккордом – она продолжается в нас, в нашей памяти, в нашей любви к той земле, которую отстояли наши деды под звуки этих бессмертных мелодий.

В блокадном Ленинграде, где сама жизнь цеплялась за каждую крошку хлеба, где время измерялось не днями, а ударами метронома, произошло чудо. 9 августа 1942 года в зале филармонии, где на стенах ещё висели следы от осколков, а в замерзающем зале сидели измождённые люди, зазвучала патриотическая Седьмая симфония Шостаковича [2]. Это был не просто концерт – это было второе рождение города.

Представьте: за окнами – война. Враг стоит у ворот. Люди падают от истощения прямо на улицах. А здесь, в этом зале, происходит невозможное – звучит музыка. Не просто музыка, а гимн несломленного духа. Шостакович писал эту симфонию в осаждённом городе, под бомбёжками, с пожарной каской на голове. В её нотах – стук

сердца Ленинграда, скрежет танковых гусениц, плач матерей и – главное – непоколебимая вера в победу.

Тот оркестр был чудом сам по себе. Музыканты добирались на репетиции через весь город, падая от слабости. Ударник умер по дороге на концерт. Тромбонисту пришлось делать искусственное дыхание – он потерял сознание от напряжения. Но когда дирижёр Карл Элиасберг [7] поднял палочку, произошло нечто удивительное – эти живые скелеты, эти ходячие тени преобразились. Их пальцы, едва способные держать инструменты, вдруг обрели силу.

А потом началась музыка. Та самая знаменитая тема нашествия в первой части – механическая, бездушная, как сама война. И – ответ ей: светлые, чистые мелодии, словно напоминание о том, что защищают ленинградцы. В этот момент в зале плакали даже мужчины. Потому что это была не просто музыка – это была исповедь города, который предпочёл умереть стоя, чем жить на коленях. Немцы, слышавшие трансляцию, не поверили своим ушам. Их пропаганда твердила, что Ленинград мёртв, что его жители – уже не люди, а тени. А из репродукторов лилась музыка – сложная, мощная, профессиональная. Это был лучший ответ на все их снаряды. В этом – вся глубина русского Духа. Когда нет хлеба – находишь силы играть Бетховена. Когда нет света – зажигаешь огонь в своём сердце. Когда кажется, что надежды нет – ты берёшь в руки скрипку и играешь. Потому что пока звучит музыка – жив народ. Тот концерт длился 80 минут – ровно столько, сколько нужно было, чтобы доказать: Ленинград жив. Что искусство сильнее войны. Что дух нельзя убить, пока он сам не сдастся.

Сегодня Седьмая симфония непокорённого духа звучит для нас как завещание. Как напоминание: есть вещи важнее хлеба – честь, достоинство, культура. Что человек жив не только телом, но и духом. И что иногда один концерт может значить больше, чем целая военная операция – потому что он побеждает не тела, а саму тьму в человеческих сердцах.

Так музыка спасала. Не от смерти физической – от смерти духовной. Не давая забыть: даже в аду можно остаться человеком. И пока звучат эти ноты – Ленинград непобедим, Россия непобедима, человеческий Дух – бессмертен.

Война пишется не только штыком, но и песней, которые вели в бой. Эти простые, берущие за душу мелодии стали звуковой хроникой Великой Отечественной – от первых тревожных аккордов до победного мажора. Каждая из них – не просто строчки с нотами, а живая частица народной души, застывшая в музыке.

«Тёмная ночь» [5] Никиты Богословского – больше, чем песня. Это исповедь солдатского сердца, написанная в 1942 году за одну ночь для фильма «Два бойца». Когда Марк Бернес исполнял её [9], стоя по колено в ледяной воде (так требовал сценарий), никто не оставался равнодушным. В её простых словах – вся, правда, войны: «Тёмная ночь, только пули свистят по степи...» Это не поэтический образ – это реальность, которую пережили миллионы.

«В землянке» Константина Листова родилась из письма Алексея Суркова жене. Поэт написал эти строки после тяжёлого боя, когда чудом остался жив. «Бьётся в тесной печурке огонь...» – это не метафора, а подлинный быт фронтовиков. Песню переписывали от руки, передавали из уст в уста. Она согревала лучше любой печки – теплом любви и надежды.

Особая история у «Синего платочка». До войны это был просто лирический романс. Но в 1942 году лейтенант Михаил Максимов написал новые, фронтовые слова: «Синенький скромный платочек падал с опущенных плеч...» Так родился патриотический гимн, музыкальная летопись народного подвига, всех ждущих женщин – тех, кто верил и ждал, несмотря ни на что. А потом пришла Победа. И хотя знаменитой песни «День Победы» тогда ещё не существовало (она появится только через 30 лет), её место занимали другие мелодии. «Катюша», которую пели на всех фронтах.

«Смуглянка» – песня-радость, песня-освобождение. «Эх, дороги» – горький и мудрый итог пройденного пути.

9 мая 1945 года у стен Рейхстага звучали не только выстрелы. Бойцы пели – кто что помнил. И в этом стихийном хоре была вся правда о войне: не только боль и потери, но и непоборимая сила духа, которая сломала хребет фашизму.

Сегодня эти песни – живые мосты между поколениями. Когда мы их слушаем, мы слышим не просто мелодии – мы слышим голоса тех, кто отстоял нашу свободу. В каждой ноте – их мужество, их любовь, их вера. И пока звучат эти песни – жива память, живёт правда о войне, живёт в нас та самая «русская душа», которую не смогли сломить ни голод, ни холод, ни свинцовые ливни.

Когда в тишине весеннего вечера звучит «Тёмная ночь», или когда многотысячный хор на День Победы подхватывает «День Победы» [12] – происходит чудо. Невидимая нить времён натягивается, соединяя наши сердца с теми, кто навсегда остался лежать в сырой земле под берёзками, кто замерз в ленинградских снегах, кто сгорел в танке под Прохоровкой.

Эти песни – не просто строчки с нотами. Это закодированная в мелодиях генетическая память народа. Когда мы их слышим, в нас просыпается что-то большее, чем мы сами – пробуждается дух тех, кто, не раздумывая, отдал за нас свою единственную жизнь.

«В землянке» – это не просто «бьётся в тесной печурке огонь». Это стук тысяч солдатских сердец, это дыхание наших дедов, это их последние письма, написанные дрожащей рукой при свете коптилки. Когда звучит эта песня, закройте глаза – и вы увидите их: молодых, весёлых, страшных в своём гневе и прекрасных в своей жертвенности.

А «Священная война»? Это не просто музыкальный памятник. Это набат, который должен звучать в душе каждого, кто называет себя наследником Победы. Когда её исполняют, кажется, что сам воздух наполняется той священной яростью, что вела наших воинов от Бреста до Берлина.

Мы – последнее поколение, которое видело живых свидетелей той войны. Скоро не останется ни одного ветерана. Но останутся эти песни, песни, которые становятся мостом между эпохами.

Они станут нашими «живыми письмами» из прошлого, нашим «берегите» от тех, кто подарил нам жизнь ценой своей.

Когда поёшь «Катюшу», вдруг понимаешь: это поёшь не ты. Через тебя поют все те девчонки, что провожали своих любимых и не дождались. Все те матери, что получали похоронки. Все те дети, что так и не увидели отцов.

Сегодня, когда мир снова стоит на опасной грани, эти песни звучат особенно остро. Они напоминают: наша сила – в единстве, наша слава – в памяти, наша честь – в верности заветам предков.

Поэтому мы будем петь. Петь громко, чтобы слышали на небесах. Петь гордо, чтобы слышали потомки. Петь со слезами на глазах – потому что иначе нельзя. Пока звучат эти песни – Россия непобедима. Пока помним – живы те, кто отдал за нас всё. И когда в День Победы миллионы голосов сливаются в одном «Этот День Победы порохом пропах», мы все становимся одним народом-победителем. Народом, который помнит. Народом, который достоин своих героев. Народом, что никогда не предаст свою историю. Музыка военных лет [15]— это не архивный материал, а живой, дышащий инструмент патриотического воспитания. Она пробуждает в молодёжи **гордость**, **сочувствие**, **уважение** и **готовность защищать Родину**. Сохраняя эти песни, мы сохраняем не только память, но и будущее — будущее, в котором молодое поколение знает, за что боролись их предки, и понимает, за что стоит стоять самим. В этом – наша сила. В этом – наша память. В этом – наша Победа, которая будет жить вечно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А.В. «Священная война»: История создания и роль в Великой Отечественной войне. М.: Музыка, 1975.
2. Шостакович Д.Д. Ленинградская симфония: Партитура и воспоминания. СПб.: Композитор, 2002.
3. Лебедев-Кумач В.И.Стихи и песни военных лет. М.: Художественная литература, 1985.
4. Сурков А.А.Фронтовые стихи и письма. М.: Воениздат, 1970.
5. Богословский Н.В. «Тёмная ночь»: История песни. М.: Искусство, 1980.
6. Максимов М.И.»Синий платочек»: От романса к фронтовой песне. М.: Советский композитор, 1988.
7. Элиасберг К.И.Оркестр в блокадном Ленинграде: Воспоминания дирижёра. Л.: Лениздат, 1973.
8. Ахматова А.А.»Музы не молчали»: Статьи и воспоминания о культуре в годы войны. М.: Наука, 1985.
9. Бернес М.Н. «Я помню…»: Записки артиста фронтовых бригад. М.: Искусство, 1978.
10. Русланова Л.А.Концерты на передовой. М.: Молодая гвардия, 1982.
11. Шульженко К.И.»Синий платочек» на линии фронта. М.: Вече, 2005.
12. Тухманов Д. Ф. «День Победы»: Как создавался гимн. М.: Олма-Пресс, 2010.
13. Исаковский М.В.»Катюша»: История народной песни. Смоленск: Смядынь, 1995.
14. Листов К.Я. «В землянке»: От письма к песне. М.: Музгиз, 1967.
15. Голубева А.Н.Музыка как оружие: Песни Великой Отечественной войны. СПб.: Петербургское музыковедение, 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРГУНОВА ВЕРА НИКОЛАЕВНА - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ), v_argunova@mail.ru.
Адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.

ВЕРГУН ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА - кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и туризма, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Северо-Кавказский социальный институт», rektorat@sksi.ru.
Адрес: 355012, г. Ставрополь, ул. Голенева, 59А.

ГАРАФУТДИНОВА НАТАЛЬЯ ЯКОВЛЕВНА - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Таможенное дело и право» Омского государственного университета путей сообщения (ОмГУПС (ОМИИТ)), natali_27omsk@mail.ru.
Адрес: 644046, г. Омск, пр. Маркса, 35.

ГОЛЬТЯПИНА ИРИНА ЮРЬЕВНА - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Таможенное дело и право» Омского государственного университета путей сообщения, goltyapinaiu@mail.ru.
Адрес: 644046, г. Омск, пр. Маркса, 35.

ГОРБУНОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА - студентка 4 курса лечебного факультета, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Anechka.gor5@mail.ru.
Адрес: 163000, г. Архангельск, пр. Троицкий, 51.

ДОЛГОПОЛОВ КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ - доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Юридический институт Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», info@ncfu.ru.
Адрес: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

ЕГОРЫЧЕВА МАРИЯ АНАТОЛЬЕВНА - студентка кафедры социологии Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ), mariaeqorycheva06@gmail.com.
Адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.

ЕРМИЛОВА АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА - студентка 4 курса лечебного факультета, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, ermilova.anastasiya2004@gmail.com.
Адрес: 163000, г. Архангельск, пр. Троицкий, 51.

КАЛИНИН АЛЕКСЕЙ ГЕНРИХОВИЧ - доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, aleksei.kalinin1959@mail.ru.
Адрес: 163000, г. Архангельск, пр. Троицкий, 51.

КОЛОМЫЩЕВА КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА - старший преподаватель кафедры педагогических арт-технологий, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт», mail@sspi.ru.
Адрес: 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417а.

КОРЕШЕВА СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА - заместитель директора, Частное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Северо-Западный учебный центр» (ЧОУ ДПО «СЕВЗАПУЧЦЕНТР»), sg2005@bk.ru.
Адрес: 198207, г. Санкт-Петербург, пр. Стачек, 140.
КОРЧАК КОНСТАНТИН ИГОРЕВИЧ - ассистент кафедры математики, информатики и цифровых образовательных технологий, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт», mail@sspi.ru.
Адрес: 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417а.
КРУТЕЛЁВ НИКИТА ДМИТРИЕВИЧ - аспирант кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственный технический университет, krutt98@mail.ru.
Адрес: 170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22.
ЛАНИНА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры экономики, технологии и изобразительного искусства, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Благовещенский государственный педагогический университет».
Адрес: 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104.
ЛУШНИКОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных инноваций, Высшая школа креативных индустрий Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», info@ncfu.ru.
Адрес: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.
НЕХАЕВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА - старший преподаватель кафедры педагогических арт-технологий, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт», mail@sspi.ru.
Адрес: 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417а.
НУРУТДИНОВА АИДА НАИЛЬЕВНА - кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и управления в спорте Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, aida-nur@mail.ru.
Адрес: 420010, г. Казань, тер. Деревня Универсиады, 35.
САВЕЛЬЕВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА - старший методист, Государственное профессиональное образовательное автономное учреждение Амурской области «Амурский колледж транспорта и дорожного хозяйства».
Адрес: 675020, г. Благовещенск, ул. Строителей, 107.
СИРАЗЕТДИНОВ МАРАТ РИШАТОВИЧ - преподаватель, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации.
Адрес: 410012, г. Саратов, ул. Московская, 158.
СОЛОВЬЕВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ - профессор кафедры цифровых технологий, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), solo47aa@mail.ru.
Адрес: 644080, г. Омск, пр. Мира, 5.
УДАЛЬЦОВ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ - ассистент кафедры поликлинической хирургии с курсом урологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный медицинский университет», postmaster@stgmu.ru.
Адрес: 355017, г. Ставрополь, ул. Мира, 310.
ХВОСТОВА СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА - аспирант, ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)» имени М. И. Платова, pressa@npi-tu.ru.

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132.
ЧУПРИНА АНЖЕЛА АНАТОЛЬЕВНА - кандидат философских наук, доцент кафедры дошкольного образования ГБУ ДПО «Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования», chuprina-an@mail.ru.
Адрес: 355000, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189А.

ARGUNOVA VERA NIKOLAEVNA - Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov (VlSU), e-mail: v_argunova@mail.ru.
Address: 600000, Vladimir, Gorkogo Str., 87.
CHUPRINA ANGELA ANATOLYEVNA - Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Preschool Education of the State Budgetary Educational Institution of Additional Professional Education «Stavropol Regional Institute for Education Development, Advanced Training and Retraining of Education Workers», chuprina-an@mail.ru.
Address: 355000, Stavropol, Lermontova Str., 189A.
DOLGOPOLOV KIRILL ANDREEVICH - Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute of the North Caucasus Federal University, info@ncfu.ru.
Address: 355017, Stavropol, Pushkina Str., 1.
EGORYCHEVA MARIA ANATOLYEVNA - student of the Department of Sociology, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov (VlSU), mariaeqorycheva06@gmail.com.
Address: 600000, Vladimir, Gorkogo Str., 87.
ERMILOVA ANASTASIA NIKOLAEVNA - 4th-year student of the General Medicine Faculty, Northern State Medical University, ermilova.anastasiya2004@gmail.com.
Address: 163000, Arkhangelsk, Troitsky Ave., 51.
GARAFUTDINOVA NATALIA YAKOVLEVNA - PhD in Economic, docent, Associate Professor of the department «Customs and Law», Omsk State Transport University (OSTU), natali_27omsk@mail.ru.
Address: 644046, Omsk, Marksa Ave., 35.
GOLTYAPINA IRINA YURIEVNA - PhD in Law, docent, Head of the Department «Customs and Law», Omsk State Transport University, goltyapinaiu@mail.ru.
Address: 644046, Omsk, Marksa Ave., 35.
GORBUNOVA ANNA VLADIMIROVNA - 4th-year student of the General Medicine Faculty, Northern State Medical University, Anechka.gor5@mail.ru.
Address: 163000, Arkhangelsk, Troitsky Ave., 51.
KALININ ALEKSEY GENRIKHOVICH - Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of Public Health, Health Care and Social Work, Northern State Medical University, aleksei.kalinin1959@mail.ru.
Address: 163000, Arkhangelsk, Troitsky Ave., 51.
KHVOSTOVA SVETLANA GRIGORIEVNA - teacher of the department of theory and history of state and law, South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M. I. Platov, pressa@npi-tu.ru.
Address: 346428, Novocherkassk, Prosveshcheniya Str., 132.
KOLOMYTSEVA KRISTINA SERGEEVNA - senior lecturer, department of pedagogical art technologies, Stavropol State Pedagogical Institute, mail@sspi.ru.
Address: 355029, Stavropol, Lenina Str., 417a.

KORCHAK KONSTANTIN IGOREVICH - assistant of the department of mathematics, computer science and digital educational technologies, Stavropol State Pedagogical Institute, mail@sspi.ru.
Address: 355029, Stavropol, Lenina Str., 417a.
KORESHEVA SVETLANA GEORGIEVNA - Deputy Director, Private educational institution of additional professional education «North – West Education Center» (PEI APE «NWEC»), sg2005@bk.ru.
Address: 198207, Sankt-Petersburg, Stachek Ave., 140.
KRUTELYOV NIKITA DMITRIEVICH - postgraduate student of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, krutt98@mail.ru.
Address: 170026, Tver, Afanasiya Nikitina Emb., 22.
LANINA SVETLANA YURYEVNA - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economics, Technology, and Fine Arts, Blagoveshchensk State Pedagogical University.
Address: 675000, Blagoveshchensk, Lenina Str., 104.
LUSHNIKOV DMITRY ALEKSANDROVICH - Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Innovation, Higher School of Creative Industries of the North Caucasus Federal University, info@ncfu.ru.
Address: 355017, Stavropol, Pushkina Str., 1.
NEKHAEVA OLGA ANATOLYEVNA - senior lecturer, department of pedagogical art technologies, Stavropol State Pedagogical Institute, mail@sspi.ru.
Address: 355029, Stavropol, Lenina Str., 417a.
NURUTDINOVA AIDA NAILYEVNA - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of economics and management in sports of the Volga Region State University of Physical Education, Sports and Tourism, aida-nur@mail.ru.
Address: 420010, Kazan, Derevnya Universiady Ter., 35.
SAVELYEVA IRINA VASILIEVNA - Senior Methodologist, Amur College of Transport and Road Facilities.
Address: 675020, Blagoveshchensk, Stroiteley Str., 107.
SIRAZETDINOV MARAT RISHATOVICH - teacher, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation.
Address: 410012, Saratov, Moskovskaya Str., 158.
SOLOVYOV ANATOLY ALEXEEVICH - professor of the Department of Digital Technologies, Siberian State Automobile and Highway University (SibADI), solo47aa@mail.ru.
Address: 644080, Omsk, Mira Ave., 5.
UDALTSOV OLEG YURYEVICH - assistant of the department of polyclinic surgery with a urology course, Stavropol State Medical University, postmaster@stgmu.ru.
Address: 355017, Stavropol, Mira Str., 310.
VERGUN TATYANA VIKTOROVNA - Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Tourism, Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education «North Caucasus Social Institute», rektorat@sksi.ru.
Address: 355012, Stavropol, Goleneva Str., 59A.

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса.
Электронный адрес: redsov@mail.ru.

Научно-теоретический журнал
«Экономические и гуманитарные исследования регионов» №5 2026 г.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-39740 от 06.05.2010 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Учредитель: ООО «Научно-исследовательский центр социально-гуманитарных проблем Кавказского региона». Адрес учредителя, издательства, редакции: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект 40 Лет Октября, дом 21. Подписано в печать 30.09.2026 г. Дата выхода в свет 15.10.2026. Формат 250х170. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета, представленного авторами, в типографии. Адрес типографии: 357500, г. Пятигорск, пр. Калинина, 15. Цена: свободная.
Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.